

84(2=411.2)6

К К 89

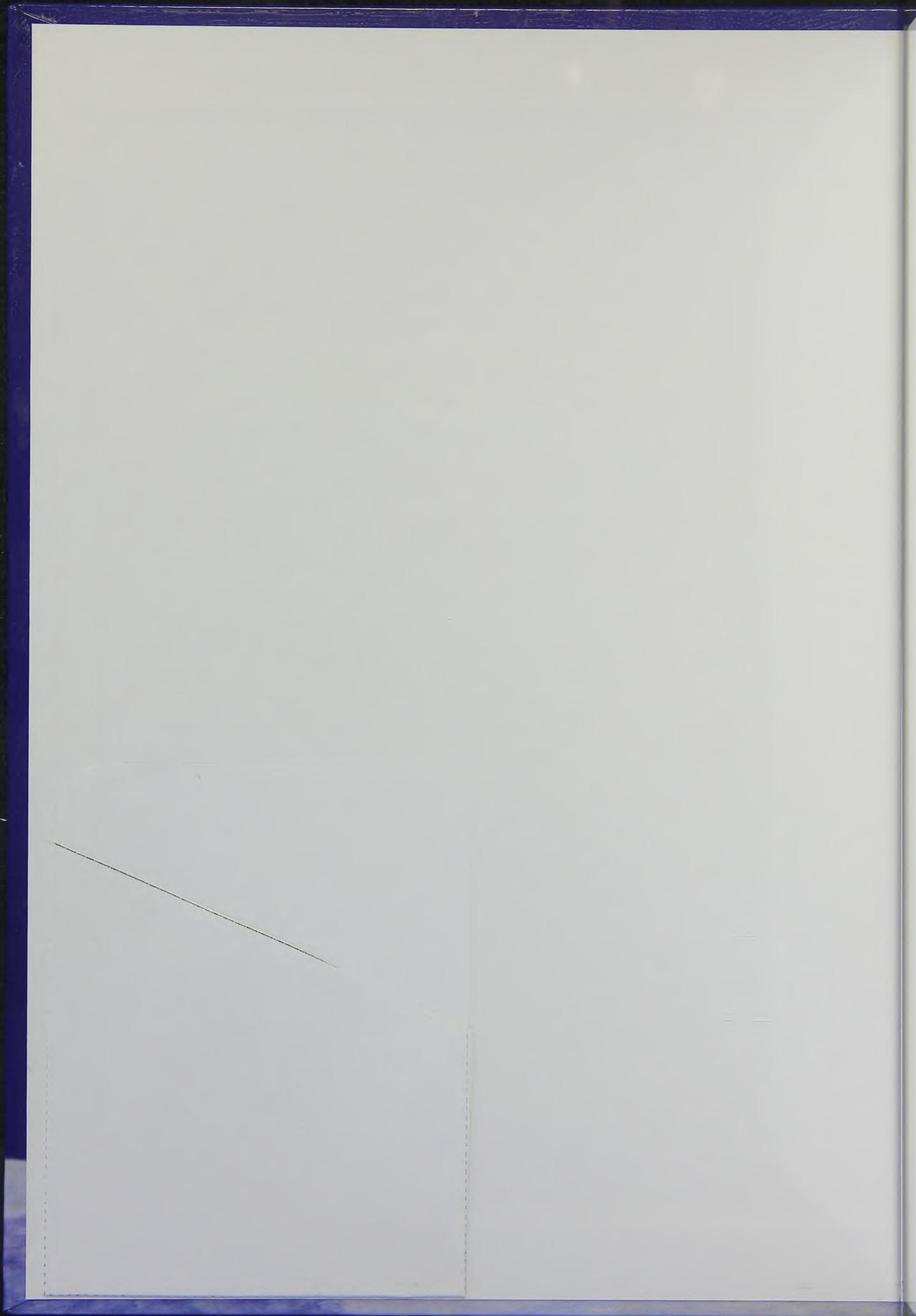
Альбина Кузьмина

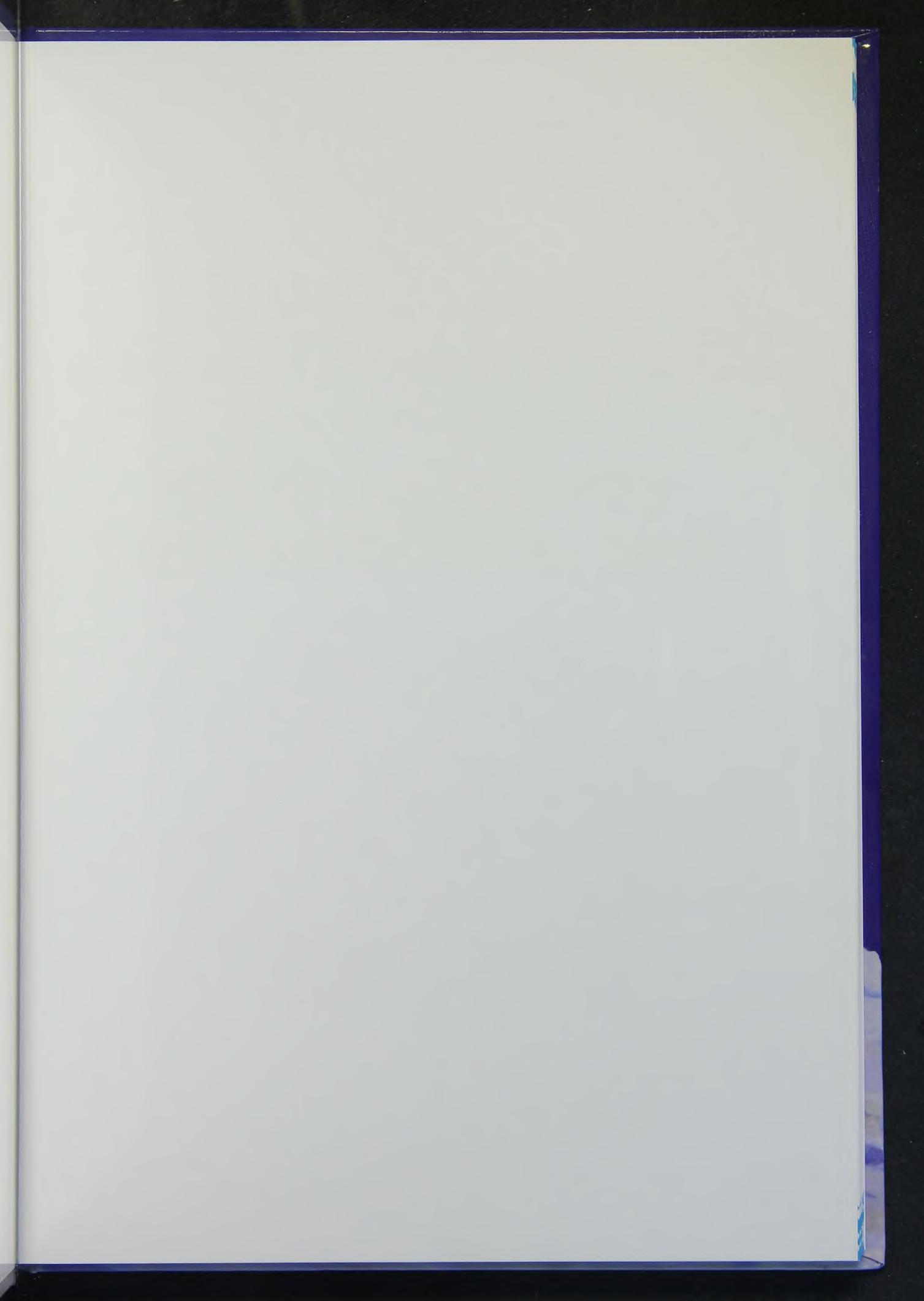
**КОГДА ЛЮДИ
БЕССМЕРТНЫМИ БЫЛИ**

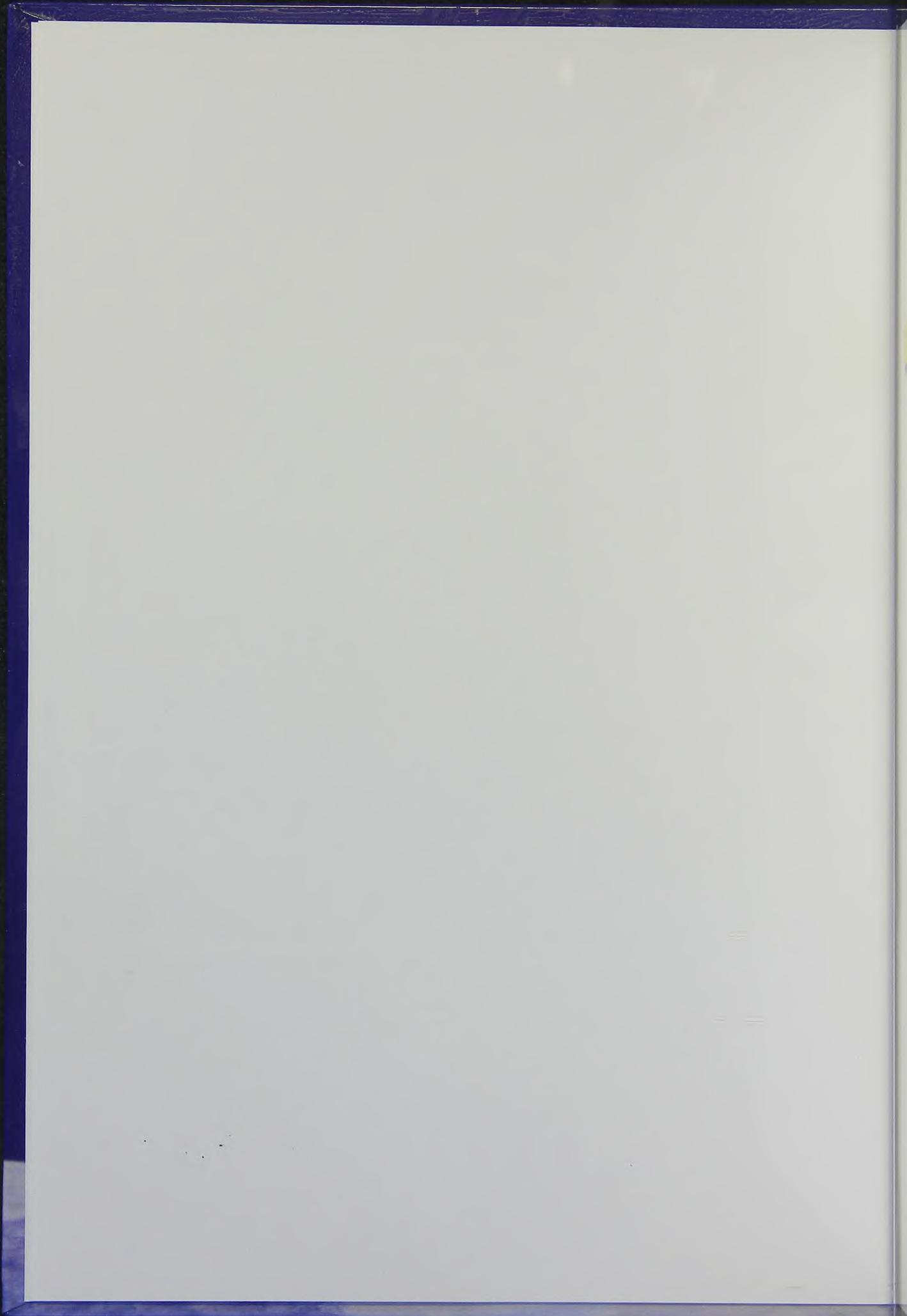
**СОКУ АДЯМИОС
КУЛЙСЬТЭМЕСЬ ВАЛ**

12+

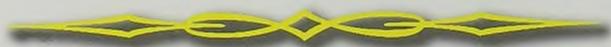

Альбина Кузьмина

КОГДА ЛЮДИ БЕССМЕРТНЫМИ БЫЛИ

СОКУ АДЯМИОС КУЛЙСЪТЭМЕСЬ ВАЛ

Ижевск «Удмуртия» 2019

- 0213749 -

Государственная
Библиотека
Югры

КО

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Удм)6-44
К89

*Издание осуществлено при поддержке
Удмуртской национально-культурной автономии
г. Нижневартовска в лице руководителя
Анатолия Васильевича Малькина*

Кузьмина А. С.

К89 Когда люди бессмертными были: Легенды, мифы, героические сказания народа ханты по Ваху и Обскому Северу = Соку адямиос кулйсьтэмесь вал: Вах но Уйпал Обь палан улйсь хант калыклэн дауркылёсыз но геройлыко мадёсьёсыз. — Ижевск: Удмуртия, 2019. — 120 с., цв. ил.

ISBN 978-5-7659-1073-3

Знак информационной продукции 12+

В основу новой книги нижевартовской писательницы Альбины Кузьминой «Когда люди бессмертными были» («Соку адямиос кулйсьтэмесь вал») положены мотивы легенд, мифов, героических сказаний народа ханты, проживающего по Ваху, ранее бывшей Ваховской волости, ныне Нижневартовскому району, и всему Обскому Северу. Они заставляют читателя размышлять, раздумывать, удивлять, глубоко мыслить. Интересны предания о героях, умеющих защищать свой народ, о простой и сложной жизни человека, о традициях и обычаях, которыми дорожат люди. Герои легенд и сказаний наделены огромной силой противостояния злу и самыми благородными чертами — во имя счастья своего народа.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-7659-1073-3

© А. С. Кузьмина, 2019
© С. В. Матвеев, перевод на удмуртский язык, 2019
© Н. Г. Курач, иллюстрации, 2019
© Издательство «Удмуртия», 2019

Хант калык мадѣсьѣс

Хант калыклэсь но удмурт калыклэсь выжыкылѣссэс но мадѣсьѣс-сэс чакласа, соку ик син шоры пуксё мар ке ласянь одйг выллемгес луйсь геройѣс но югдурѣс. Отын но, татын но калык, аслаз быгатонлы-кезлы но визь-нодэзлы луыса, улон радзэ йыг-йыг тупатэ но вашкала йыжы-выжыезлэсь йылол-сямѣссэ чакласа возе, Вылй Инмарзэ гажа, солы йыбыртъя но со дыре ик, матысь юлтоишеныз кадь, соин вераськылэ, солы пöртэм куронѣсын вазиськылэ. Кылсярысь, «Соку адямиос кулйсьтэмесь вал» хант дауркылын Адями-пуны Торум инмар доры кенешыны тубе, солэсь визь-нод басьтэ. Нош удмуртѣслэн Инмарзы вашкала дырѣсы воксё калык пöлын улйз, соос сямен ик музѣем ужен выриз («Инмар — адямиос пöлын»).

Хант но, удмурт но выжыкыл-мадѣсьѣсын ъемысь батырѣс калыклэн тушимонѣсыныз ожмасько. Нодлыко, амало но куддыръя кескич луэменнызы валче, соос котьку ик вормисе пото но асьсэ калыксэс быронлэсь утѣ. Удмуртѣслы тодмо Донды, Можга, Пазял но мукет батырѣс. Книгае пырем хант мадѣсьѣсысь пумитаськом, кылсярысь, остяк батырѣсты (соос самоедѣсын ожмасько).

Огъя вераса, хант но удмурт мадѣсьѣс но выжыкылѣс кусказы туж матын луо: шырыт сям котьку но сук сямеэ ворме; зеч лэсьтэм уж котьку но зечен берытске; сюлмысь тыршон мылкыд котьку но бусьтыр емыш сётэ. Со дыре ик хант выжыкылѣслэн но мадѣсьѣслэн аспöртэмлыкѣссы яркыт шöдйсько. Шуом, ъемысь пумиськылйсь пужейѣс, кудѣсыз уйпал шаерѣсын гинэ вань но адямилэн нуналмысь улоназ туж кулэ луйсь пудо-живот луо. Яке, бубенэн жугыса но ассэ шузимытыса, улонлэн мукет сйосаз вуылыны быгатйсь шаман (ёлта-ку); яке пужейѣс борды кыткем нарта (ликер-вели); яке корлэсь гыркйыса лэсьтэм пыж (рыт); яке пужей кулэсь вурем пыдкучан (вели-сох) но мукет со выллем.

Оскиськом, лыдзись та бичетысь одно ик трос тунсыкозэ но паймымонзэ шедьтыны быгатоз.

Ю. В. Кузнецов,

«Удмуртия» издательстволэн
директорез

Я сказку по свету разнесу...

Каждый уважающий себя народ воспевает сказки, хранит легенды, помнит сказания. «Что за прелесть, эти сказки!» — восклицал в своё время А. С. Пушкин. Вот и в традиционной культуре коренных народов Обского Севера без сказок жизнь не мила. Фольклор имеет не только нравственное значение: сказки настолько глубоки, что распознать прочитанное или сказанное означает раскрыть какую-либо тайну. Фольклор всегда служил неисчислимым кладом духовных сил хантыйского народа, его исторической памятью, его настоящим и будущим. Читая или рассказывая поверья, легенды, мифы, героические сказания, ханты учатся сами и воспитывают по ним детей. Отважные и честные герои, богатыри служили примером для подражания, создавая систему традиционных ценностей народа.

По верованиям ханты, люди-богатыри, совершив подвиги, превращались в святых и становились покровителями. В сложной религиозной системе хантов — многочисленном пантеоне богов — ведущее место занимают представления о духах, лунгах, верования и поклонения им. Главный верховный небесный бог — Торум (Нуми-Торум), создатель мира и всех живых существ. На небе обитали Луна-старик, Солнце-женщина, Ветер-старик. Покровителем людей считался младший сын Торума, который наблюдал за порядком в мире людей, — у ханты это Урт-ики или Конт-ики, а у манси — Мирр-сусне-хум. Духами подземного мира, царства болезней и смерти считали верховного злого духа Куль-отыр и его сообщества. В среднем мире на Земле правил главный дух, покровитель женщин и материнства — Калтащ. Мир природы наделён многочисленными, как добрыми, так и злыми, существами: лесными духами и кулями, водными лунгами, домашними существами.

Создана оригинальная традиционная и самобытная национальная культура, приспособленная к суровым климатическим условиям. С древности и до наших дней коренные народы Севера ханты и манси жили охотой и рыболовством. Тайга и река для них — дом родной. Удачные дни на охоте и рыбалке означали продолжение жизни, народ полностью зависел от Её величества природы.

С учётом различных сложившихся традиций есть у народа ханты очень важная национальная особенность: все действия, что ими совершаются в повседневном быту, при выполнении любой работы, — строго по ходу солнца.

В книге читатель встретит топонимические сказы, говорящие о названиях рек и озёр, таёжных мест, связывающих эти места с конкретными случаями. Героические сказания по народной классификации относятся к жанру преданий людей прошлых времён, реальной войне с соседями — ненцами, местными князьками, царской властью, также характерны мотивы возрождения, оживления доброго человека...

Я сказку по свету разнесу — «если моя песня-сказка дальше пойдёт, продолжится», — произносится заклинательной фразой, смысл которой: если герою суждено дальше жить, то пусть исполнится его желание.

Уникален фольклор по своей глубине и природной чистоте, как истинный источник вдохновенной кладези югорского народа. Уникален по своей значимости, как своеобразная летопись богатейшего литературного наследия, которое во что бы то ни стало необходимо сохранить для истории России во имя будущих поколений.

Автор раскрывает непревзойдённый уникальный дар хантыйского наречия, восполнимость языка добросердечного народа, что живёт на берегах могучей реки Оби и извилистого Ваха.

Сказки народов Обского Севера — для тебя, мой дорогой читатель!

А. С. Кузьмина,
член Союза писателей России,
кандидат культурологии

Светлой памяти моего друга, учителя
и единомышленника, югорской писательницы
Маргариты Кузьминичны Анисимковой

Давным-давно это было,
когда сказка моя не умела летать...

Вашкала дырѣсы со вал,
соку выжыкылэ мынам лобаны ӧз быгаты на...

Когда люди бессмертными были

Раньше, много лет назад, люди на Мыг-земле бессмертными были. Имели они образы животных: человек-лось, человек-заяц, человек-лиса... Жили все в большом чуме. Кто желал одиночества, жил в юрте, кто в земляном или лесном доме.

Жили, сколько хотели. Хорошо жили. А кому надоело на белом свете жить, тот в лес уходил и там сидел под деревом до тех пор, пока сам Куль за ним не придёт.

Вдруг что-то случилось однажды, человек в одном из домов будто умер: не разговаривает, лежит, молчит, никаких звуков не

подаёт. Собрались люди вокруг, сели и думают, как его оживить. Понимают, что человек такой должен быть, который вылечил бы. Решили шамана искать, да где его в это время найдёшь. Думали, думали и позвали человека-собаку:

— Мы тебя на совет к Богу отправим.

Согласился человек-собака, собрался в дорогу.

— Ты зачем пришёл? — спрашивает Бог человека-собаку.

— У бессмертных людей человек умер. Скажи, как его оживить?

— Гнилое дерево к голове положите, а к ногам — кэв. Пошевелите человека, он и оживёт.

Спустилась собака с небес, спрашивают её:

— Ну, что Бог посоветовал?

Разволновалась собака, говорит:

— Сказал Бог, чтобы к голове кэв положили, а к ногам — дерево гнилое. Шевельнуть надо, сильно толкнуть, вот человек и оживёт.

Люди так и сделали. Положили к голове камень, к ногам гнилое дерево — и давай толкать человека. Только от этого человек о камень голову проломил и вскоре совсем дышать перестал — умер.

Снова отправили люди собаку к Богу. Когда человек-собака поднялся на небеса, Бог спрашивает:

— Зачем снова пожаловал?

— Да вот, снова люди меня отправили. Всё сделали, как ты сказал, а человек совсем умер. Мы к голове камень приложили, к ногам — гнилое дерево. Толкнули, а камень человеку голову проломил.

Рассердился Бог и наказал человека-собаку. Сказал ему:

— За твою непонятливость отныне имя тебе Кантах-амп — собака. Будешь служить человеку, и сторожить его жильё, но жить — возле людей на улице. Питаться тем, что останется от людской пищи, что подадут.

С тех пор люди смертными стали. Каждый стал столько жить на земле, сколько Бог отмерил. Каждый обрёл свой образ, а вскоре появились и шаманы, посланные Богом свыше.

Соку адямиос кулйсьтэмесь вал

Вашкала дырбёсы, пумтэм трос арбёс талэсь азыло, Мыг (Музъем) вылын улйсь адямиос кулйсьтэмесь вылйллям. Тусбуйёссы пййшурбёслы тупало вылэм: адями-койык, адями-лудкеч, адями-зичы... Ваньзы чёш бадзым чумын улйллям. Кинлэн огназ кылемез потэ, со юртае, музъем гудземе яке нюлэс корка интыяськылэм. Кёня улэмзы потэ, сомьнда ик улйллям. Ваньмыз усто вылэм. Нош кинлы югыт дунне вылын улыны акыльтэ, со нюлэскы кошкылэм но отысь писпу улын пукылэм — ачиз Куль (Кулон) вуытозь.

Одйг пол шёдтэк шорысь мар ке луэм, одйг коркась адями кулэм, оло: чал-чал улэ, уг вераськы, кылле, нокыче кыл-куара уг поттылы. Котыраз калык люкаськем, пуке но малпаське, кызыы улзётоно сое. Калык вала: кыче ке но адями луыны кулэ, кин эмтяны быгатоз. Люкаськембёс шаманэз (туно-пеллёез) утчано кариськиллям, но кытысь соку ик шедьтод сое. Малпаськиллям-малпаськиллям но адями-пуныез өтиллям:

— Ми тонэ Инмар доры кенеше келялом.

Адями-пуны пумит луймтэ но сюрес вылэ дасяськем.

...Торум (Вылй Инмар) юам адями-пунылэсь:

— Малы лыктйд?

— Кулйсьтэм адямиослэн адымизы кулйз. Вера, кызыы улзётоно сое.

— Сисьмем писпуэз йыр бордаз понэ, пыд бордаз — кэв (из). Адымиез выретэ но, со улзёз.

Адыми-пуны васькем инбамысь но, юало солэсь:

— Я, кыче кенеш сётйз Инмар?

Адыми-пуны тулкымьяськем но шуэм:

— Инмар вераз: адымилэн йыр бордаз из пононо, пыд бордаз — сисьмем писпу. Выретено, кужмысь сэзъялтоно сое — адыми соку ик улзёз.

Адямиос озьы ик лэсьтйллям. Йыр бордаз из понйллям, пыд бордаз — сисьмем писпу, собере кутскиллям ук выретыны-сэзъяны сое! Адями, из борды шуккиськыса, йырзэ пасям но жоген шокамысь ик дугдэм — кулэм.

Адямиос нош ик адями-пуныез Инмар доры ыстйллям. Адями-пуны инбаме жутскем бере, Инмар юам:

— Малы выльысь вуид?

— Ма, тани нош ик адямиос ыстйзы. Ваньзэ тон верамъя лэсьтйм, нош адями воксё кулйз. Ми солэн йыр бордаз из понйм, пыд бордаз — сисьмем писпу. Сэзъялтйм но, адямилэсь йырзэ из пазяз.

Инмарлэн йырыз кур луиз но, адями-пунылы со лекен вазиз:

— Нодтэм луэмед понна та дырысен тон Кантах-амп (Остяк пуны) нимаськод. Адымилэн ляльчиез луод но солэсь юртъерзэ чаклалод-утёд, нош ачид урамын-кырын улод. Адымилэсь кылем-мылем сиёнзэ сиёд.

Со дырысен адямиос но кулйсь луиллям. Котькуд адями югыт дунне вылын улэм сомында гинэ, кёня Инмар сётылэм. Котькуд адями аслэсьтыз тусбуйзэ шедьтэм. Жоген кылдйллям Инмарен выльысь ыстэм туно-пеллёс.

Сказание о странствии Ёлта-ку

Ёлта-ку раскурил трубку: бубен надо готовить. Плохие времена пришли. Сколько раз себя ругал: то ли старый стал, запомнил что-то, то ли не усмотрел, где грех совершил, — удача в руки не идёт. Соседу помог найти вора, другому помог жену вылечить, чужому дитю в деревне глаза вылечил, а родному племяннику внучатому помочь не в силах, так что и себе стыдно сознаться.

Наколоч чурочки, развёл лёгкий костёр. Вынес из чума коем. Осмотрел с двух сторон, погладил шершавой рукой. В памяти всплыли воспоминания, когда его, молодого, ершистого и целеустремленного Ёлта-ку, посвящали в шаманы. Дед, посмеиваясь, говорил: «Добрый Ёлта-ку будет. Народу своему послужит». Отец горделиво вытягивал голову... А мать радовалась, молча глядя на сына... Да, быстро солнце сменялось луной, постарел, видно.

Ёлта-ку прикинул, выдержит ли молодая кожа, которую он натянул вместо изношенной старой, поцеловал бубен: «Не подведи». Долго нагревал около лёгкого костра. Казалось, ещё совсем недавно какой он титул держал: только к нему все и шли. Среди скольких мест он побывал вместе с бубном. Скольких людей от смерти спас.

Приготовился Ёлта-ку, переоделся: новый халат надел, рукавицы, ёлта-мюль, всё как полагается... Читал молитвы, впадал в мгновения воспоминаний. За монотонной работой навалилась на него позевота. Встрепенулся, вспомнил, что загадывал. Очень хотелось ему получить ответ и наставления от верховного божества Торума.

Алле-ики — Большой старик — обитает на недосягаемой высоте, на высоком небе. Все родичи и прадеды Ёлта-ку не раз путеше-

ствовавали к нему, да и он там бывал, только давно. Вот и собрался старый Ёлта-ку в небесные дали к Торуму. Многие добрые шаманы видели Торума в своих чудесных странствиях. Не каждого к себе жалуёт Высший, да и советы не всем даёт. Только делать нечего.

И уже уверенно наклонил Ёлта-ку голову, достал несколько сушёных жёлтых мухоморов, сунул в рот. Достал палантив. Ударил колотушкой раз, ударил два, она стала медленно отбивать по бубну. Принялся напевать песни жизни.

Постепенно он понимал, что тело покалывает, его разморило, и он начинает валиться назад... Но шаман находит в себе силы и вновь бьёт по бубну уже с большим размахом, да так, что костёр в разные стороны пламя бросает. Поёт свои песни старый Ёлта-ку всё громче, умиляет Торума и читает, читает заклинания.

Стряхнув бубен, произносит:

— Я сажусь на птицу Тоглан-ваях, большого-большого орла. Крылья у него — как паруса на большой лодке. Взобрался Ёлта-ку, крепко держится. Летят они долго-долго. Вокруг светло, куда ни глянь, яркий свет разливается, глазам больно. Мир огромный перед маленьким человеком.

Долго летят. Все преграды прошли. Встречаются им семь дверей — семь небес, значит. Семь солнц-светил светят, семь месяцев светят, отражаются цветом жёлтых мухоморов. Серебряная речка течёт. Серебряные рыбы плавают. Серебряной воды вдоволь, живой воды вдоволь. Серебряные берега кругом серебряным песком усыпаны.

Дальше летят. Посреди серебряной поляны юрта сверкает на солнце, юрта золотая стоит. Из юрты Большой старик Алле-ики, старый белый старик смотрит. Кланяется Ёлта-ку, поёт приветствие:

Долетаю до седьмого неба, мой Торум.

Приветствую тебя, мой Торум, Бог наш верховный.

*Спешу к тебе за советом. Прими меня.
Просветли мой разум.
От всех людей Кактах-ку и Руть
Приношу тебе поклоны да подарки людские...*

Как снег, белый старик Торум из Золотой юрты на них смотрит, рукой махнул. Вдруг открылось светлое-светлое место. До светлой земли долетели, где сам Торум живёт. Привязал шаман птицу к большому камню.

Направился в Божий дом — Торум-кат, где птиц и зверей определяют, кому где жить, куда летать, куда зверю бежать по всей земле, кому лунгами быть. Ждёт приглашения. Набирается смелости, заходит в юрту.

Давай кланяться да молиться. Едва произнёс:

— Там, на нашей земле, худо живётся. Помоги нам, покажи, как жить, как не болеть, старый я стал.

Торум говорит:

— Знаю, кому как жить, кому хворать, кому здороветь. Ступай домой, скажи: уйдёт плохое время, всем будет хорошо...

Покланялся Ёлта-ку, сел на птицу, обратно полетел.

Летят скорее, чем стрела, из тугого лука пущенная. Совсем низко Алле-эмтер, Большое озеро, куженькой оно кажется с высоты. Удивляется Ёлта-ку: какой мир большой и маленький. И человек в нём — что букашка. Сколько много дел надо делать, чтобы сердце у человека было большое, как озеро, и жизнь-полёт прозябанием не казалась. Слез он с птицы и пошёл домой.

Очнулся Ёлта-ку. Сколько он отсутствовал, не помнил. Костёр давно погас. «Ну, слава Богу Торуму, родному племяннику лучше стало, жить будет долго. Да и я ещё сгожусь, не стыдно людям признаться», — с удовлетворением подумал он и закрыл от приятной усталости глаза.

Ёлта-кулэн калтыртэмез сярысь мадёс

Ёлта-ку (шаман) чильымзэ аратйиз: коем (бубен) дасяно, алама вакытьёс вуизы. Кёня пол ассэ тышкаськиз ни: яке пересьмиз но мае ке вунэтйиз, яке сьольикамзэ шодытэк кылиз, — нокызьы но уг удалты. Бускелезлы лушкаськисез шедьтыны юрттйиз, мукетызлы — кышнозэ катьяны, мурт пиналлэсь синъёссэ эмъяз, нош аслаз нунокезлы юрттыны нокызьы уг быгаты — та сярысь малпаськыны ик возьыт, ява.

Пуклэзэ пильылыса, пичильтык гинэ тылскиз. Чумысьтыз коем поттйиз. Кынапалтйиз учкылйиз, чогырес кырымпыдэсэныз маяллыз. Йыраз тодэ ваёнъёсыз улзйизы: сое, егит, чоштырес но малпанъёссэ быдэстыны дась муртэ, шаманлэн дуннеяз пыртйизы. Песятаез пальпотыса вераз: «Усто Ёлта-ку луоз. Аслаз калыкезлы юрттоз». Атаез, пиеныз данъяськыса, йырзэ урдылйиз... Нош анаез, чалмыт гинэ пиез шоры учкыса, шумпотонзэ ватыны выриз... Зэм, шундыез толээд туж чаяк воштйиз, Ёлта-ку пересьмиз, лэся.

Ёлта-ку чаклаз-эскериз, чидалоз меда егит ку, кудзэ со вужмем пересь ку интые золтйиз, собере бубензэ чупаз: «Юмоке эн вутты».

Пичильтык тылскем вöзын кема сьлйиз. Алигес гинэ кадь со йёно, сйё-дано вал: ваньзы со доры гинэ ветлйизы. Кыче гинэ интыосы өз вуылы со аслаз бубенэныз! Кёня адямиез кулонлэсь утиз!

Ёлта-ку чылк-чылк воштйськиз: выль халат дйсьяз, пöззы, ёлта-мюль (шаманлэн изьыез) понйиз — ваньмыз кызьы кулэ... Вазиськон-куриськонъёс шыпыртйиз, тодэ ваён суредъёсы выйылйиз... Огсыр выремезъя со борды нырулон аяны одъяз. Ёлта-ку шуак зуркалскиз но мар пумысен тазы дасяськемзэ тодаз вайиз. Солэн туж потэ вал Торумлэсь (Вылй Инмарлэсь) визь-кенешсэ кылэмез. Алле-ики (Бадзым пересь) сузьыны луонтэм вылйын — жужыт инбамын — улэ. Ёлта-кулэн вань пересь чыжы-выжыосыз одйг пол

гинэ ой вал ни со дорын; ма, со ачиз но вуылйз ни, но — кемалась. Соин ик дасяськиз пересь Ёлта-ку кыдёкысь инбамъёсы — Торум доры. Тросэз усто но лякыт шаманъёс асьсэлэн паймымон калтыр-тонъёсазы Торумез адзылйзы. Но Вылй улйсь котькудзэ ик матэ уг кары, визь-кенеш но ваньмызлы ик уг сёты. Озыы ке но нокытчы уд пыры.

Осконэн юнмаса, Ёлта-ку йырзэ мыкыртйз, кёня ке куасьтэм чужалэс куткулонгубизэ потйз но ымаз понйз. Палантив (бубенэ йыган боды) кутйз. Одыг пол шуккиз бодыеныз, кык пол шуккиз, боды каллен гинэ тэтчаны шотаз бубен вылтй. Ёлта-ку улон кыр-занъёсты нёжтйз. Пумен валаны кутскиз: мугорзэ векчи веньёсын бышко кадь, со каньсыраз но берлань сётйськиз... Но, шуак пушкысьтыз кужымзэ поттыса, бубензэ уката но золгес жугыны одяз. Тылскем лопыръяське но тылыныз сопала-тапала шонаське. Пересь Ёлта-ку ялан юнгес кырза, Торумлэсь сюлэмзэ небзытыны выре но вёсяськон-куриськонзэ лыдзё.

Бубензэ зуркатыса, со вазиське:

— Мон Тоглан-ваях (өрзи) вылэ пуксисько.

Та тылобурдолэн бурдъёсыз — бадзым пыжлэн тёлпоосыз выллем. Ёлта-ку пуксиз со вылэ но юн-юн кырмиськиз. Кема-кема лобо соос. Котырак, кытчы гинэ эн учкы, — югыт, яркыт тыл кысьтаське, синъёслы ик вось. Пичи аядми азын — бадзым дунне.

Кема лобо. Вань могзетъёсты ортчизы. Пумитазы сизыым осъёс шедё — сизыым инбамъёс, иське. Сизыым шундыос пишто, сизыым толэзьёс югдо, чужалэс куткулонгубилэн буёлэныз кысьтасько. Азвесь шур бызе. Азвесь чорыгъёс уяло. Азвесь ву пачыла, улэп ву пачыла. Азвесь ярдуръёс азвесь луоен пазьгемын-шобыртэмын.

Азьлане лобо. Азвесь кушлэн шораз юрта сылэ но шунды шорын пиштэ, зарниен ворекъя. Юрта пушкысь Алле-ики (Бадзым но Тоды пересь) учкиз. Ёлта-ку йыбырттйз солы, зечбуръяськон кылъёссэ кырзаз:

Сизыметй инбаме вуисько, мынам Торуме.

Эеч но бур вазисько тыныд, мынам Торуме, вылй Инмармы милям.

Тон доры визь-кенешлы дыртйсько. Лэзь монэ. Йырвизьме сайкыты.

Вань Кантах-ку (остяк) но Руть (зуч) калыкэслэсь

Йыбырттонгэс но кузьымгэс вайисько тыныд...

Лымы выллем тӧдбы пересь Торум соос шоры зарни юртабись-
тыз учкиз но кыыныз шонтйз. Шӧдтэк шорысь югыт-югыт инты
усьтйськиз. Югыт музъем дорозь вуизы, татын ачиз Торум улэ.

Тылобурдозэ шаман бадзым из борды думиз. Инмар юрта пала
вамыштйз. Татын тылобурдоослы но пӧйшургэслы возматом, кин-
лы кытын улоно, кытчылобано, кытй ветлоно но бызьбылоно, кин-
лы лунга (адскисьтэм лулос — дух) луоно. Ёлта-ку ӧтемез возьма.
Собере кышканзэ ворме но юртае пыре. Йыбырття но вӧсяське.
Дйсьтыса но дйсьтытэк вазиське:

— Отын, милям музъем выламы, туж секыгэн улйськом. Юртты ми-
лемлы, возматом, кызьбы улоно, кызьбы тазалько луоно. Мон пересьми.

Торум шуэ:

— Тодйсько, кинлы кызьбы улоно, кинлы висёно, кинлы таза-
моно. Берты дорад но вера: алама вакытгэс ортчозы, ваньмызлы
умой луоз...

Кӧня ке пол йыбырттыса, Ёлта-ку тылобурдо вылаз пуксиз но
берен лобиз. Золтэм пукычысь лэзем ньӧллэсь но чаякгес лобо
соос. Туж улйын Алле-эмтор (Бадзым ты) кылле, пичильтык гинэ
адзиське вылйисен. Пайме Ёлта-ку: кыче бадзым та дунне но кыче
пичи. Нош адями отын — кыче ке бӧчы кадь гинэ. Кӧня трос ужь-
гэс лэсьтоно, адямилэн сюлэмыз ты выллем бадзым мед луоз, нош
улон-лобзон огшоры дырез быдтонлы медаз укша шуыса.

Ёлта-ку тылобурдо вылысь васькиз но дораз бертйз.

Шӧдтэк шорысь сайкиськиз со. Уг тоды ни, кӧня дыр чоже ой вал
татын. Тылскемез кемалась кысэм. «Я, тау Торум инмарлы, нунокелы
умойгес луиз, кема улос табере. Ма, ачим но ас калыкелы ярало на», —
шумпотыса малпаськиз Ёлта-ку но жадем сингэссэ пытсаз.

*И были времена,
сражались богатыри-герои былинного
эпоса, когда сказка моя училась летать...*

*Вал сыче вакытѣс:
калык мадѣсѣсысь батырѣс геройлыко ожмаськизы,
соку выжыкылэ мынам лобаны дышетскиз...*

Героическое сказание об остяцком богатыре, Анки-Пугос и Золотом олене

Водились тогда дикие олени. Люди крепкими были. Как только наступало время, весь народ выходил на охоту за дикими оленями. Этот весенний момент успешно использовали враги. Только знали остяки, очаг свой охранять надо. И доверяли самым сильным, самым большим.

-0213749- 17

Государственная
Библиотека

КО

В этот раз остались здесь, на бору, Богатырь-Старик, мудрёный и опытный, хитрый и ловкий, и Богатырь-Молодой, могучий, ноги его быстрее оленя неслись, пускал стрелы из кремлёвого дерева до самых облаков. Знали, что придут скоро войной самоеды...

Думу думали, рассуждали. Дров сухих и веток заготовили. Припасли древесной серы на всю деревню. Она при любых военных действиях нужна. Ям, тайников земельных понаврыли, сверху травяными крышками укрепили. Попробуй, определи. Переоделись, один в лохмотья вырядился, луки спрятали и ждут.

Подошли войска из далёких краёв, из-за большой воды, пришли с шумом, с громом самоедские войска. В одну юрту зайдут — нет людей, во второй — пусто, на столах ничего нет, перекусить нечем, от голода животы сводит... Услышали-увидели: из одной юрты дым идёт, дымом пахнет, туда все зашли и говорят:

— Старики, накормите нас олениной, всё равно мы вас убьём.

Один Старик пошёл за дровами, а другой Старик — Богатырь-Молодой — колоть оленя. Только прикоснулся к дикому оленю, как тот говорит человеческим голосом:

— Не режь меня, остяцкий Богатырь, молви слово, что не можешь со мной справиться.

Старик — Богатырь-Молодой, что в лохмотья переоделся, — так и сделал. Его на смех подняли:

— Какой ты! Палкой толкни — умрёшь со страху.

Пришлось самоедам за оленем диким по лесу гнаться. А он бежит себе, бежит, и там, где он выстукивает коленцами-копытами, на земле золотой слиток образуется. Кинулись воины собирать золото, ошалели от такого счастья. Кричат:

— Догоняй золотого оленя, убивай золотого оленя!

Только проникли за границу деревни и таёжного бора, как посыпались на них тысячи стрел-самострелов из-за деревьев. То остяцкий Богатырь самострелы поставил. Летит стрела —

деревья клонятся, на пути всё сметает. А там и народ с охоты стал возвращаться. Назад вороги кинулись, где ямы, тайники болотные да земельные, на колья нарвались, а сверху Старики-Богатыри остяцкие их горячей серой полили.

Так победили они воинов. Яль-нельтан — войска поклялись с миром прийти, дочерей своих привести сватать. А вскоре к остяцкому Богатырю-Молодому золотой олень вернулся. Спрашивает он оленя:

— Что же золото так раздариваешь?

— Так это не я. Это Мать матерей — Анки-Пугос — за вас заступилась. Золотые слитки, что я разбрасывал, превратились в маленьких защитников народа остяков, это ваши дети. Иди, встречай, вместе с Богатырем-Стариком привечайте.

Засветилось тут солнце ярче прежнего. Анки-Пугос, Божья мать, жизнеподательница, утвердительница жизни на земле, говорит народу:

— Живущие там, на северной земле, хорошие вы песни поёте. Хорошие думы думаете, сказки помните. Буду ваших маленьких ребят выкачивать, да таких маленьких, что на глаз не видно. При восходе солнца, с первым лучом, буду посылать душу новорождённого на землю. Куда золотой луч упадёт, там и родится ребёнок — всё равно, остяк ли, русский ли... Так ваш род пополнится богатырями. И жизни им будет отмерено, сколько посох мой золочёный не оскудеет увешанными нитями с узелками. Расстояние от узелка до посоха — это и есть длина жизненного пути. В благодарность приму светлого Золотого оленя.

Остяк батыр, Анки-Пугос (Анайёслэн Анайзы) но Зарни пужей сярэсь геройлыко мадёс

Соку кыр пужейёс пумиськылызы. Адямиос кужмоесь вал. Дыр вуылыз гинэ, вань калык пöйшураны — кыр пужейёсты кутылыны — потылыз. Та тулыс вакытэз тушмонъёс, лушкеш малпанъёссэс быдэстон понна, возмаса гинэ улызы. Но тодо вал остякъёс: аслэсьтыд юртъердэ одно ик утёно. Та уез соос бадзым но кужмо адямиоссылы оскылызы. Таяз учыре татчы кылызы: Пересь батыр — улонэз адзём, визьмо, кескич но чупрес; Егит батыр — бадзым мугоро но быгатйсь, солэн пыдъёсыз пужейлэсь шаплыгес бызбылызы, кремль писпулэсь лэсьтэм нбöльёсты инбам дорожь вуттылыз. Соос тодо вал: жоген самодёс ожмаськыны вуозы...

Малпаськызы, кенешызы. Кöс пу но улвайёс дасязы. Быдэс гуртлы пу сир дасязы. Со сир котькычө ожмаськон югдуръёсы юрттылэ. Музьем гуос-ватосъёс гудзйзы, вылласянь чоксэтъёсын юнматйзы. Утча на, шедьты соосты. Асьсэос сюттыр-калтыр дйськызы, пукычъёссэс ватйзы но возмало.

Паськыт ву сёрысь, кыдөкысь шаеръёсысь, чаш-маш карыса но жангыртыса, самодө ожмаськысьёс вуизы. Одыгаз юртае пыро — адямиосыз öвöл, мукетаз пыро — буш, жöк выльёсын — шал-шал, номыр сиыны, сютэмлэсь көт чутыръя... Шöдйзы: одйгысьтыз юртаысь чын зын лöсьяське, ваньзы пыризы отчы но шуо:

— Пересьёс, сюдэ милемыз пужей сйлен, ми тйледыз одно ик виём ук.

Батыръёс пöлысь одйгез пулы потйз, мукетыз — пужеез вандыны. Кыр пужей борды йöтскиз гинэ, соиз адями куараен вазиз:

— Эн ванды монэ, Остяк батыр, вера соослы, монэ уськытыны кужмыд уг тырмы шуыса.

Лусьтыр-ласьтыр дйсьяськем Пересь батыр озы ик кариз. Сое серекъязы гинэ:

— Тйни кыче тон: бодыен донгы но — кышкаса кулод.

Самоедъёслы нюлэскы кыр пужей сьёры уйиськоно луиз. Нош соид бызе но бызе, пыдъёсыныз шукке гинэ музъем борды — соку ик зарни комок кылдэ. Ожмаськисьёс зарни бичаны омырскизы, воксё шузимизы таёе шудлэсь. Кесясько:

— Жоггес сутоно зарни пужеез, виёно сое!

Гурт но нюлэс вискись гожез ортчизы гинэ — писпуос сьёрысь сюрсьёсын ньёлъёс лобзизы соос шоры. Остяк батыр пуктылйз вал озьы ас понназы ыбылйсь ньёлъёсты. Ньёл лобзё но — писпуос мы-кырско, сюрес вылысьтыз ваньзэ чужыса кельтэ со... Тани калык но пйшурамысь бертыны кутскиз. Тушмонъёс берлань сётйськизы, нош отын — музъем гуос-ватосьёс, тушмонъёс йылсам майыгъёс вылэ пыкиськизы, нош Остяк батыр пöзътэм сирез кисьтйз вылазы.

Озьы vormизы соос ожмаськисьёсты. Ожмаськисьёс азьланяз тупаса улыны, куран понна нылъёссэс вайыны кыл сётйзы. Жоген Остяк батыр доры Зарни пужей берытскиз. Батыр юаз пужейлэсь:

— Малы озьы зарнидэ тус-тас кариськод?

— Мон öвöл со. Анайёслэн Анайзы — Анки-Пугос — юрттйз тйледлы. Мынам пазям зарни комокъёсы остяк калыклэн пичи юрттйсьёсызлы, тйляд нылпиостылы, пöрмытскизы. Мын, пумита соосты.

Та вакытэ шунды уката но яркытгес воректйз. Анки-Пугос — улон сётйсь Инмар анай — вазиськиз калыклы:

— Уйпал музъем вылын улйсьёс, тй усто кырзәнтьестэс кырзаськоды, выжыкыльестэс уд вунэтйське. Мон тйлесьтыд пичи нылпиостэс лэйкато, соос сыёе пичиесь — соку ик уд синйылты. Шунды жужаку, нырысь тылсизэ возьматыку ик, вордйськоно нунылэсь лулзэ музъем вылэ ыстыло. Кытчы зарни тылси усёз, отын ик пинал вордйськоз, пöртэмез öвöл — остяк-а со, зуч-а... Озьы тйляд калык улыды батыръёсын кужмоялоз. Мынам та зарнивуам бодые сурькмытозь. Адзйськоды, бодые борды гердъёсын шортъёс думылэмын, гердъёс вискись кузьдала — со улон сюреслэн кыстйськемез.

Тау каремды интые югыт сүлэмо зарни пужеез басьто.

Сказка о хантыйском Алле-герое, или Как род (Жаткалевых) богатым стал

Много в Ваховском крае больших рек и малых проток. Говорят, Урн-ике считал, на палке зарубки делал, да палку ту в лесу потерял...

На одной речке купец жил, товаром торговал, на другом её берегу — охотник Алле. Все про него говорили, что он — Ёлта-ку. Однажды, когда стал падать с деревьев лист, птицы полетели к теплу, послал купец к Алле своих работников. Сели они в рыт, поплыли. Алле увидел их издали. Стал оленя колоть, а Старухе жене велел обмотаться его кишками да поверх широкое, расшитое узорами платье надеть.

Подъехали гости к берегу. Алле позвал их в свой кат и говорит жене:

— Неси к столу тэр-кул.

Женщина молчит.

— Неси к столу тэр-кул! — закричал Алле.

Она молчит. Тогда схватил он кочик и ткнул им в бок женщины. Брызнула кровь. Он ещё раз ткнул её ножом. Женщина ойкнула и упала на пол. Подбежал Алле к чурбаку, со всей силы ткнул ножичком, стал приговаривать: «Кого убил, того оживи! Кого убил, того оживи!». Женщина лежала, лежала, стала голову поднимать.

Вытаращили глаза посланцы купца, бросились бежать, сели в лодки и поплыли на другой берег, к купцу.

— У Алле волшебный нож есть, — зашептали-заговорили они наперебой. — Он ткнул свою жену два раза. Она упала. Кровь из неё полилась. Тогда Алле стал ножиком по деревянному чурбаку

тыкать и приговаривать: «Кого убил, того оживи!». Жена и встала совсем невредимая.

— Не может быть такого! — задумался купец. — Плывите к Алле, просите тот нож, отвезите ему ёлта-лепу, прихватите ёлта-пас.

— Нет, — сказал Алле, когда купеческие посланцы передали ему подарки. Тогда достали они новую красивую шапку. — Делать нечего, не отстаёт жадный купец, — согласился Алле отдать свой нож.

Обрадовался купец, ждёт не дожждётся гостей далёких, чтобы показать им силу волшебного ножа... Приехали гости. Купец и ткнул одного в бок. Засмеялся, подбежал к деревянному чурбаку, стал ножом тыкать в него да приговаривать: «Кого убил — оживи!». Забежал в дом, а человек — умер. Весь день прошёл, а гость так и не поднялся.

— Обманул всех шаман Алле! Обманул! — закричал купец. — Плывите к нему, скажите: «Оживить нож не может моего гостя».

— Богатый был гость или бедный? — спросил Алле, когда купеческие работники рассказали всё.

— Шибко богатый, — ответили они.

— Я так и знал. Бедный и без ножа с голоду умрёт, его только пальцем ткни. Богатые — жирные, их надо ножом убивать и оживлять.

— Поедем с нами, Алле, — стали звать его купеческие работники. — Хозяин хорошо наградит тебя.

— Мне и дома хорошо, — ответил Алле.

— Он нас в протоке утопить собрался, если ты не приедешь. У него много «огненной воды».

— Ладно, — согласился Алле, услышав про «огненную воду»: узнать надо, что такое.

Только обласок Алле подплыл, а его уже ждали люди с верёвками. Началась в купеческом доме драка: кто кого поленом по го-

лове бил, кто кусался, кто друг друга за волосы таскал. Алле схватили, завернули в коровью шкуру, завязали верёвками и бросили в протоку. «Теперь конец придёт бедному Алле. Все моё будет», — облегчённо вздохнул купец.

Но не тут-то было! Алле волшебные слова знал. Вызвал сильный ловать, чего — и поднялась пурга. В такую непогоду помогли ему священные силы выбраться из протоки. Оказался он на берегу, связанный верёвками в коровьей шкуре, а в руках держал половинку сломанной чашки, прихваченной при драке с купеческого стола.

В это время по Ваховским протокам русские мужики — рутьике — товары на меха меняли. Увидел их бедный Алле, закричал:

— Плывите сюда, богатые люди... Здесь, в протоке, много добра, — и показал им обломок от чашки.

— Зачем тебя в коровью шкуру завязали? — спрашивают купцы.

— Вся сила в этих шкурах! — ответил Алле. — Только в них можно богатство собирать.

— Завяжи и нас в коровью шкуру.

— Сначала мне руки развяжите.

Развязали его приехавшие купцы. Сложил он их рядком, перевязал верёвками и толкнул в протоку. Сам дождался ночи, перевёз все товары купцов на свой берег, затопил чувал...

Вышел купец утром на берег и видит: на другой стороне реки в избушке Алле дым из трубы идёт. «Неужели перехитрил меня этот Алле?» — подумал он и закричал на своих работников. Велел им плыть на другой берег.

Со страхом открывали работники дверь. Слышат: Алле песни поёт, на золочёной кровати валяется. Побежали купеческие посланцы наперегонки к обласам.

— Алле со дна протоки вылез, песни поёт, на золочёной кровати лежит! — издали закричали хозяину.

В эту минуту возле окна сидела купеческая жена Руть-ни, услышала всё, вдруг повалилась, упала, ни жива ни мертва.

— Плывите обратно, зовите шамана Алле, обещайте половину моего богатства. Знаю, он шаманить хорошо умеет! — крикнул купец.

Куда деваться. Пришлось звать Алле. Долго не ехал Алле. Обиду крепкую держал на купца.

Приехали купеческие дочери просить его. Согласился поехать, надел нарядный халат, бубен взял с колотушкой. Начал из жены купца злой дух выгонять. День шаманил, два шаманил, не смогли помочь Руть-ни его молитвы. Умерла она.

Тут принялся Алле плакать.

— Сурым-касы, сурым-касы, — закричал в слезах.

Плакал три дня и три ночи. Купец стал уговаривать Алле, а он всё не переставал плакать.

— Я один остался. Ты один остался, — говорит купцу.

— Не плачь, Алле, я тебе в жёны старшую дочь отдам.

Алле ещё пуще заплакал. От радости заплакал.

— Часть своего богатства отдам. Перестань плакать.

Алле слезами умывается.

— Я тебе двух дочерей отдам в придану и всё богатство. Я уже стар стал. Самому жить надоело, умаялся, — сказал купец.

Перестал Алле плакать. Взял себе в жёны старшую дочь, двух купеческих дочерей забрал и богатства много.

Прошло время, и заездили женихи к Алле. Купеческие дочери родили ему по семь сыновей да по семь дочерей.

Увозили красивых невест в свои стойбища смелые ваховские рыбаки и охотники. А сыновья снох привозили с дальних мест и селились по берегам Синего Ваха. Стал с тех пор род Алле большим и богатым.

Хант калыкысь Алле герой сярысь выжыкыл, яке Жызьы чыжы-выжы үзыр лүиз

Вах шаерын трос бадзым шуръёс но пичи öръёс. Верало, Урн-ике (Южтолэзь) лыдъям, боды борды пусъёс пуктылэм, но со бодызэ нюлэскы ыштэм. Оди́газ шур дурын вузчи улэм, вузаськылэм, нош шурлэн мукет пал ярдураз — Алле (Бадзым) пöй-шурась. Вань калык со сярысь вераллям: со, пе, — Ёлта-ку (Шаман). Оди́г пол, писпуос бордысь куаръёс усъылыны но тылобурдоос шуныт пала лобзныны кутскыку, Алле доры вузчи аслэсьтыз ужасьёссэ ыстэм. Соосыз рыт (яке облас — гыркйыса лэсьтэм пыж) вылэ пуксиллям но шур вамен гылзйллям. Алле кыдөкысен ик адзем соосты. Пужейзэ вандэм но кышнозэ косэм: пужейлэн көтпуш сюльёсыныз биняськы, нош вылтйз пужъятыса вурем паськыт дэремдэ дйса.

Куноос ярдуре потйллям. Алле соосты юртаяз öтем но кышно-езлы вазиськем:

— Жöк вылэ пукты ай тэр-кул (чыжатэм чорыг).

Кышномурт чал-чал сылэ.

— Тэр-кул пукты жöк вылэ! — кеськем Алле.

Кышномурт озьы ик чал-чал сылэ. Соку Алле кочик (пурт) кутэм но кышномуртлэн көтурдэсаз бышкалтэм. Вир пызьем. Алле эшшо бышкалтэм на. «Ой!» вазем кышномурт но выж вылэ усем. Алле пуклө доры бызбыса вуэм но пуртсэ со борды вань кужмысь-тыз мертчытэм, со куспын ик кылам-верам: «Кинэ виид, сое улзыты! Кинэ виид, сое улзыты!» Кышномурт кыллем-кыллем но йырзэ жутыны öдъям.

Татчы вуэмъёслэн синъёссы таба пасьта луиллям, воргоронъёс пыжъёссы доры бызбыса кошкиллям но шур вамен мукет пал ярдуре, вузчи доры, берытскиллям.

— Аллелэн синпöртмо пуртэз вань, — ог-огзэс азьпалтыса ма-
диллям соос. — Кышнозэ со кык пол бышкалтйз. Соиз усиз. Пуш-
кысьтыз вир пызйиз. Соку Алле пуклөөз бышкаляны кутскиз, нош
ачиз пумен кыла-вера: «Кинэ виид, сое улзыты!» Кышноез нокыче
сöсырьёстэк султйз.

— Озыы луыны уг быгаты! — вераз вузчи. — Мынэ Алле доры,
пуртсэ куре, солы Ёлта-лепа (Шаманлэн халатэз) нуэ, Ёлта-пас
(Шаманлэн пöзбёсыз) кутэ на.

— Уг сёты, — вазиз Алле, куке вузчилэн келям адямиосыз
кузьымбёссэс мычизы. Соку соос виль чебер изыы поттйзы на.
Алле пуртсэ сётыны соглаш луиз.

Шумпотйз вузчи. Синпöртмо пуртэзлэсь кужымзэ возьматон
понна, кыдёкысь шаербёсысь кунооссэ возьманы уг чида ни... Ку-
ноосыз вуизы но, вузчи одйгезлэн кöтурдэсаз пуртсэ донгиз. Ачиз
серектйз, пуклө доры бызбыса вуиз, пуклөөз бышкалля но кыла-ве-
ра: «Кинэ виид, сое улзыты!» Собере дораз бызбыса пыриз, учке
но — адями кулэмын. Быдэс нунал ортчиз, нош куно озыы ик öз
султы.

— Пöяз Алле шаман! Пöяз! — кеськиз вузчи. — Мынэ со доры
но вералэ: «Пурт уг улзыты мынэсьтым куноме».

— Узыр-а вал куноды яке куанер? — юаз Алле, куке вузчилэн
ужасьёсыз луэм учыр сярысь ивортйзы.

— Укыр узыр, — веразы соосыз.

— Озыы ик малпай. Куанер мурт — пурттэк но — сютэмлэсь
кулоз, чиньыен гинэ донгы сое. Узырбёс — кöесь, соосты пуртэн
виылоно, собере улзытъяно.

— Ойдо ми сбöры, Алле, — öтө сое вузчилэн ужасьёсыз. —
Кузёмы бусьтыр кузьмаськоз тыныд.

— Мыным ас дорам но умой, — вазе Алле.

— Со милемыз вуэ выйтыны турттэ, тон öд ке лыкты. Солэн
«тыл вуэз» трос.

— Ярам, — соглаш луиз Алле, «тыл ву» сярысь кылыса.

Аллелэн пыжез мукет пал ярдуре вуиз гинэ, сое аядмиос гозыосын возьмало ни вал. Вузчилэн юртаз жугиськон пуромиз: кин ке кинэ ке йыртышказ писэн тышказ, кин ке кинэ ке куртчылйз, кин ке кинэ ке йырситйз кысказ. Аллеез кырмизы, скал куэ бинялтйзы, гозыосын керттылйзы но вуэ куштйзы. «Табере Аллелы пум вуиз», — капчияк шокчиз вузчи.

Но со озьы гинэ ой вал ай! Алле мудрон кыльёсты тодэ вал. Кужмо ловатез (зорез), чогоез (лымьез) отиз но — жобаськыны одяз ук! Таће сильтол дыръя восьлыко кыльёс солы вуысь потыны юрттйзы. Тани со ярдурын кылле, скал ку пушкы гозыосын керттылэмын, нош кияз сориськем чашалэсь жыны юдэссэ возе — сое со жугиськон дыръя вузчилэн жокк вылысьтыз кырмиз.

Та вакытэ, Вах шаерлэн шурьёстйз уяса, руть-ике (зуч воргоньёс) асьсэлэсь вузьёссэс пйшур куослы вошъяло вал. Соосты адзыса, Алле кеськиз:

— Татчы коже, узыр аядмиос. Татын, та орын, туж трос узырлыкес, — возьматйз со чашалэсь жыны юдэссэ.

— Малы тонэ скал куэ керттылйзы? — юало вузчиос.

— Вань кужым — та куосын! — вазиз Алле. — Соосын гинэ узырлык бичаны луэ.

— Милемыз но керттылы скал куэ.

— Нырысь ик мынэсьтым киосме мозмытэ ай.

Пертчылйзы сое вузчиос. Алле соосты артэ выдтйз, гозыосын керттылйз но вуэ донгиз. Ачиз, уй вуыса, вузчиослэсь вань вузьёссэс аслаз ярдураз поттылйз, гурзэ эстйз...

Вузчи чукна ярдуре потйз но адже: шурлэн мукет пал ярдураз, Аллелэн корка мурьёисьтыз, чын потэ. «Нош ик пөяз шат монэ та Алле?» — малпаз но ужасьёсыз шоры кеськиз. Шурлэн мукет пал ярдураз потыны косйз.

Ужасьёс дйсьтытэк гинэ усйтйзы Аллелэсь өссэ. Кыло-адзо: Алле зарнивуам валесаз кылле но кырза. Вузчилэн ыстэм аядмиосыз бызъыса сямен пыжъёссы доры берытскизы.

— Алле ву улысь потэм, зарнивуам валесаз кылле но кырза! — кыдѣкысен ик кеськизы соос асьсэ кузѣзылы.

Та вакытэ укно дурын вузчилэн кышноез Руть-ни (зуч кышномурт) пуке вал. Ужасьѣслэсь верамзэс кылыса, со шодтэк шорысь кулэм мурт кадь пограз.

— Берен Алле доры мынэ, өте сое, мынэсьтым жыны узырлыкме дэмлалэ солы. Тодйсько, со тунаськыны-пелляськыны быгатэ! — кеськиз вузчи.

Мар карод на, Аллеез өтёно луиз. Но Алле лыктыны өз дырты. Вузчилы уга солэн көтыз жождэ но йырыз кур вал. Куронэн вазиськыса, вузчилэн нылѣсыз вуизы. Алле мыныны соглаш кариськиз. Вылаз чебер халат дйсьяз, кияз бубен но сое жугон боды кутйз. Вузчилэн кышноез пушкысь лек через уल्याны кутскиз. Нунал чоже выриз, кыкетй нуналзэ тыршиз, но солэн тунаськон-пелляськонэз кышномуртлы юрттыны өз быгаты. Руть-ни кулйз.

Алле бёрдыны одяз.

— Сурым-касы (адями кулйз), сурым-касы! — синкыли пыр кеськиз со.

Куинь нунал но куинь уй бёрдйз. Вузчи буйгатыны выре Аллеез, нош соиз дугдылытэк бёрдэ но бёрдэ.

— Мон огнам кыли. Тон огнад кылид, — вера со вузчилы.

— Эн бёрды, Алле, мон тыныд кузпаллы баджымзэ нылме сето.

Алле уката но золгес бёрдэ. Шумпотыса бёрдэ.

— Жыны узырлыкме сето. Дугды бёрдэмысь.

Алле синвуэн пылаське.

— Мон тыныд кыксэ ик нылѣсме но вань узырлыкме сето.

Ачим пересьми ни, улыны акыльтй, — вазиз вузчи.

Алле бёрдэмысь дугдйз.

Кык вузчи нылѣсты кышнолы басьтйз, вылаз ик узырлыкес йылйз на. Вузчи нылѣс солы быдэн сизьым кузя пиос но сизьым кузя нылѣс вордйзы.

Дыр ортчиз но, Алле доры егит пиос ныл кураны ветлыны кут-скизы. Вах шаерысь кышкасьтэм чорыгасьёс но пöйшурасьёс асьсэ улон интыосазы Аллелэсь нылёссэ кышноослы нуылйзы.

Аллелэн пиосыз кыдөкысь интыосысь асьсэлы кышноос вайылйзы но Лыз Вахлэн ярдурёсаз интыяськылйзы.

Со дырысен Аллелэн чыжы-выжыез бадзым но узырлыко луиз.

Котелок с напёрсток

От пожаров убежали звери, улетели птицы. Несчастье всех на ноги подняло. Многие люди ушли в Вах-вонт — Ваховский урман. Только Старик со Старухой в горельниках остались, жили в низкой вели-кат.

Однажды охотники из-за увала забрели в давнишние горельники, где даже трава не растёт, и — удивились, увидев там юрту. Вошли. В юрте бедным-бедно. Они и спрашивают крохотного старичка:

— Кто на охоту ходит? Варёным ного пахнет.

— Сыновья, — ответил Старик. — Пришли вот с охоты да спят.

— Что-то никого в юрте не видно.

Старик приподнял полог, а за ним подушку, под которой спали вповалку крохотные карлики.

— Какие это помощники? — рассмеялся один из пришлых охотников.

— Они маленькие, да удаленькие, — ответил Старичок. — Кормят и поят нас со Старухой. Нам много ли надо? Сварим вот этот котелок и сыты. Он указал на котелок, маленький-маленький — с напёрсток.

Удивились незваные гости.

— Да какие они охотники? Их любая мышка с ног сшибёт!

Старик обиделся.

— Много вы знаете! Уходите, уходите, откуда пришли. Уходите, пока сыновья не проснулись, а то и беды не оберёмся. Не смотрите, что они маленькие. Как лук возьмут! Богатырями станут. Стрела их может издалека, через деревья, догнать и прострелить.

— Да ну-у-у! Как это?! — усмехнулся другой.

— Не будем спорить. Поешьте мяса из нашего котелка и уходите туда, откуда пришли.

Заулыбались хитро охотники.

Поставил Старик крохотный котелок на огонь, а он стал всё расширяться да мясом заполняться...

— Отдай нам его, — сразу нашёлся приبلудный гость. — Стадо оленей пригоним!

— Как я отдам свой котелок? У меня семья такая большая.

— Много ли надо твоим сыновьям? Не отдашь, силой заберём!

Тут увидели, что из-под полога выскочила крохотная девочка, подбежала к огню и тонюсеньким голоском пропищала:

— Ешьте скорее и уходите, пока братья не слышат, о чём вы шумите.

Охотники не торопятся.

Вдруг над головами чуга-нял-кух пролетела, пробила стрела стену юрты, пронзила большое дерево и улетела на другой берег протоки.

Струхнули охотники. Один бросился бежать и про котелок забыл, другой со страху остался в юрте, слова вымолвить не может.

Вылезли тут из-под полога крохотные мужички, поздоровались с охотником.

Вместе суп похлебали.

Прошло дня два.

Один из братьев и говорит охотнику:

— Оставайся у нас жить. Наша сестра будет тебе невестой. Тогда и мы с вами вместе в Ваховский урман уйдём. Может, у вас будут дети высокими, как ты. А мы будем радоваться.

Остался охотник.

Котелок с напёрсток кормил всех мясным супом да вкусной рыбной ухой.

Чиндыс быдза пурты

Тылпу шукуръяськемен, пöйшуръёс пегзизы, тылобурдоос палэнэ лобзизы. Кайгу вань калыкез пыд йылаз султытйз. Тросэз Вах-вонт (Вахысь сьöд тэльёс) пушкы кошкызы. Пересь воргорон но солэн кышноез гинэ тылжю бервылысь лапег вели-кат (пужей юрта) пушказы улыны кылизы.

Одйг пол палэнысь пöйшурасъёс тылжю бервылэ вуизы но, юртаез адзыса, воксё паймизы. Пушказ пыризы. Юртаын шал-шал буш. Пичигес мугоро Пересьлэсь юало:

— Кин пöйшураны ветлэ? Пöзътэм ного (сйль) зын шöдйське.

— Пиосмы, — вазиз Пересь. — Тани пöйшурамысь вуизы но изё-шутэтско.

— Малы ке нокин уг адзиськы юртаын.

Пересь воргорон ынэз жутйз, собере миндэрез. Миндэр улын артэ-артэ пичильтык лулосъёс изё.

— Кыче юртгйсьёс луозы соос? — юаз одйгез пöйшурась.

— Соос, пичи ке но, олома но карыны быгато, — вераз Пересь. — Сюдо но, удо но милемыз пересеным. Трос-а ма кулэ милемлы. Тани та пуртыен пöзътйськом но, кöтмы тыре, — пичильтык гинэ, чиндыс быдза, пурты шоры возьматйз.

Пöйшурасъёс паймемысь уг дугдо.

— Ма, кыче юртгйсьёс соос? Шыр гинэ но соосты пыд йылысь-тызы погыртоз ук!

Пересь жожомиз.

— Трос тодйськоды тй! Кытысь вуиды, отчы ик кошке. Пиосмы султымтэ дыръя кошке, озытэк секыт югдуре шедёды. Эн учке, соос пичиесь шуыса. Киосазы пукычъёс кутйзы ке, батыръяёслы пöрмозы. Пукыч нбöльёссы, писпуос пыр потыса, кыдёкысен ик сутозы но мертчиськозы.

— Маке öвöл та! — мыньпотыса вазиськиз мукетыз пöйшурась.

— Ярам, ум ченгеше. Пуртыысьтыммы сйлез сие но кытысь вуиды, отчы ик кошке.

Пййшурасьёс пальпотйзы.

Пересь пичильтык пуртызэ тыл вылэ пуктйз, нош пурты паськытаны но сйлен тырмытскыны одьяз.

— Сёт пуртыдэ милемлы, — вазиз лыктэмъёс пёлысь одйгез. — Ми тыныд пужей уллё вуттом.

— Кыззы мон сое сётом? Мынам семьяе бадзым ук.

— Трос-а ма кулэ пиосыдлы.

Та вакытэ ын улысь пичильтык ныл тэтчыса потйз, тыл доры быззыса вуиз но векчи гинэ куараен вазиз:

— Агай-вынъёсы мар сярись вераськемдэс кылымтэ дыръя чалякгес сиське но кошке.

Пййшурасьёс уг дырто.

Шодтэк шорысь йыр йылтйзы чуга-нял-кух (излэсь гудыри ньёл) лобзиз, юрталэсь борддорзэ пасяз, зок писпу пыртй потйз но шурлэн мукет пал ярдураз шонтйз.

Пййшурасьёс кышкатскизы. Одйгез, сиён сярись вунэтыса, быззыса кошкиз, мукетыз, бакомыса, юртае ик кылиз. Ын улысь пичильтык воргоронъёс потйзы но пййшурасен зечбурьяськизы. Чош пуксьыса, сйлен шыд сиизы.

Кык нунал ортчиз. Агай-вынъёс пёлысь одйгез вазиське пййшурасьлы:

— Кыль ми доры улыны. Сузэрмы тыныд кышно луоз. Соку ми но тйледын чош Вахысь сёд тэле кошком. Тйляд пинальёсты но, оло, тон кадь жужытэсь луозы.

Пййшурась кылиз. Чиндыс быдза пурты ваньзэсты сйлё шыдэн но ческыт чорыг лымен сюдылйз.

*Когда люди стали обижать друг друга,
сказка моя училась летать...*

*Кукe адямios oг-огзэс вöсь карыны кутскизы,
выжыкылэ мынам лобаны дышетскиз...*

О чёт медведь Торуму жаловался

С давних времён люди почитали медведя. Хозяином леса называли. Встретив в лесу, старались обходить стороной. И медведь не трогал человека. Нарушил этот порядок однажды человек: стал охотиться на него, как на любого зверя. Обидно медведю, что стали его сравнивать с лосями, оленями и даже лисами. Думает, как почитание себе вернуть. Ничего придумать не мог, надумал Торуму пожаловаться.

Торум спустил с неба золотую цепь, поднял медведя.

— Беда ко мне пришла, — пожаловался медведь, — люди за мной охотиться стали и убивать. Человек хитрее меня.

Торум долго слушал, молчал, а потом сказал:

— Ладно, слушай: спустишься на землю, окажешься в лесу, спрячься на тропе человека и жди. Как услышишь шаги, подбеги неслышно и ударь его своей лапой. У него сломается ребро, а другие твоей силы испугаются.

Спустился медведь с небес. Спрятался в кусты возле тропы, человеком проторенной. Долго прислушивался, приглядывался. Вдруг услышал шаги и скоро увидел: мужчина идёт по тропе, сзади себя нарту тащит. Медведь, недолго думая, выскочил из-за кустов, стал догонять нарту. Уши охотника шаги медвежьих слышали. По храпу и рычанию медвежьему охотник узнал его. Пожалел, что печкан с собой не взял, зато топор на нарте нашёл. Как только медведь подбежал ближе, он со всей силы треснул медведя прямо по башке. Тот на задние лапы встал, прорычал и упал замертво.

Другой медведь видел всё это, испугался и так бежал, что у него медвежья болезнь приключилась. Упал возле пня. Лежал день, лежал два и думал, что плохо просил его брат Торума. Потому тоже попросился на небо. Торум долго молчал, не хотел разговаривать:

— Я же давал совет одному из вашего рода, а он не смог напугать человека. Другого совета у меня нет.

— А как нам жить?

— Так и живите теперь! Люди убивать вас будут, ваше мясо есть, на ваших шкурах валяться.

— А почести?

— Почести ждите после смерти. Человек будет вам праздники справлять, перед вами песни петь, танцевать, а голова медведя на столе лежать будет.

Спустился медведь с небес. Долго думал, долго чесал лапой за ушами. С тех пор медведь стал стороной обходить встречу с человеком, на зиму берлогу строить, в суровую зиму в ней зимовать.

Мар сярэсь жожтйськыліз Торумлы гондыр

Вашкала дырысен ай адямиос туж гажазы гондырез. «Нюлэслэн кузеез» шуыса нимазы. Соин нюлэскысен пумиськыку, палэнтй ортчыны тыршизы. Соин ик адямиез гондыр өз иса. Но адями та сям-радлыкез тйяз: мукет пййшурьёс вылэ сямен ик, гондыр вылэ но омырскылыны одъяз. Гондырлы жож луиз, сое койыкьёсын, пужейёсын, зичюосын гинэ но чошато шуыса. Со малпаськыны кутскиз: кызы ай гажан сямзэс берен берыктоно? Йыраз номыр өз лыкты но, Торумлы жожтйськыны малпаз.

Торум инбамысь зарни жильызэ лэзиз но гондырез ас дораз жутйз.

— Кайгу вуиз мон доры, — жожтйськиз со. — Адямиос мон вылэ омырскизы, виыны туртто. Адями кескичгес мынэсьтым.

Торум кема кылзйз сое, чал-чал улйз, собере шуиз:

— Ярам, кылы: музьем вылэ васькыса, нюлэскы вуод, адямилэн кужен сюрес вöзаз пегзод но возьмалод. Вамыш куараосты кылйд гинэ, лушкемен бызьыса лыкты но адямиез тяпаеныд шуккы. Солэн урдлыез чигоз но, мукетъёсыз тынад кужымедлэсь кышкалозы.

Гондыр инбамысь васькиз. Адямиен лёгем кужен сюрес вöзысь куакъёс пöлы ватскиз. Кема кылзйськиз, котыр учкылйз. Шуак пыд куара кылйз но жоген адзйз: сюрес кузя воргорон вамышгья, ас сьöраз ликер (нарта — салазки) кыскыса нуэ. Гондыр, кема малпаськытэк, куакъёс сьöрысь тэтчыса потйз но нарта доры дыртйз. Пййшурасьлэн пельёсыз гондыр вамышгьёсты кылйзы. Соргетэмезья но ыргетэмезья тодмаз со, кин матэктэ. Сьöраз печкан (пычал) өз куты шуыса жаляз, но нартаяз солэн тйрез вал. Гондыр солэн матаз вуиз гинэ, со вань кужмысьтыз шуккиз

гондырлэн йыраз. Соиз бер пыдъёсыз вылэ султйз, ыргетйз но кулыса усиз.

Мукет гондыр адйиз тает, кышказ но сыче зол бызбыса кошкыз — «гондыр висён» ик аляз солы. Лйял вёзы пограз. Одыг нунал кыллиз, кык нунал, ялан малпаськиз: солэн выныз Торумлэсь курыны быгатымтэ, лэся. Соин ик ачиз инбаме куриськиз. Торум кема дыр чөже чал-чал улйз, гондырен вераськемез уг поты вал.

— Мон одйг чыжы-выжыдылы визь-кенеш сётй ни, нош со адямиез кышкатыны өз быгаты. Мукет дэмланэ өвөл ни мынам.

— Нош кызы улоно милемлы?

— Озы ик улэ табере! Адямиос виылозы тйледыз, тйлесьтыд сйльдэс сйёзы, тйляд куосты вылын погылляськозы.

— Нош гажан-данъян?

— Гажан-данъянэз кулэм берады возмалэ. Адями тйледлы юон дыръёс ортчытъялоз, тй азын кырзанъёс кырзалоз, эктонъёс эктоз, нош жөк вылын соку гондырлэн йырыз кыллэз.

Гондыр инбамысь васькиз. Кема малпаськиз, тяпаеныз пельсьöраз кема кормаськиз.

Со дырысен гондыр адямиен пумиськонлэсь палэнскылэ, леккезыт тольёсты ортчытъян понна, аслыз гу дася.

Женщина-огонь

Стояли по соседству две избушки. В каждой горел свой огонь. Без огня в тайге скучно живётся. В одной избе женщина-хозяйка сердилась на огонь: плевала в него, всякий мусор бросала, угли рассыпала, золу не сметала. Горел он тихо-тихо, еле-еле теплился. И дети лезли в огонь с палочками, поджигали их, тыкали горящими прутиками куда попало. Даже друг другу платье прожгли.

А другая хозяйка, соседка её, наоборот, поленья клала одно к одному, разжигала чувал берестой или тонкими лучинками, каждый уголёк на место убирала, золу крылышком сметала. Детей к огню не пускала.

И горел огонь весело. Ярким светом полыхали поленья, посылали тепло во все стороны.

Пришла к ней соседка, увидела, что в юрте светло, и говорит:

— Какой у тебя огонь хороший, а у меня только поленья шипят, — и попросила она у соседки угольков для огня да скребок и валик для выделки шкур.

Та подала углей:

— Возьми. А валик там, на полке лежит.

Взяла соседка и ушла. Даже спасибо забыла сказать.

Скоро югон — ночь — пришла. Все уснули. И снится доброй женщине сон, будто явилась к ней незнакомая женщина, вся в красном, вся огнём горит и жалуется:

— Моя хозяйка не глядит за мной. Смотри, у меня всё платье горящими лучинками истыкано, и тело моё обожжено, и ноги, и руки.

Замахала она красными рукавами. Жарко стало хозяйке от огненной женщины. Вскочила она, распахнула дверь — и обмерла:

соседская избушка догорает. Побежала, а там одни головёшки валяются. Погоревала-погоревала, видит: среди углей лежат в уголке её скребок и валик, совсем не тронутые пламенем.

Догадалась она, что это огонь обиделся на нерадивую хозяйку и оплатил ей пожаром.

Жылкышно-тыл

Жык юртаос артэ сылйзы. Котькудаз аслаз тылыз жуаз. Тылтэк пеймыт тэлын улыны мөзмыт. Одйгаз юртаын кузё кышно тыллы йыркурзэ кисьтылйз: сялаляз со вылэ, пөртэм жуг-жаг куяллез, тылжузэ пазяллез, сузэ өз чужылы. Тыл каллен-каллен, мырдэм-мырдэм гинэ шокышъяз. Пиналь-ёс но тыл пушкы бодыос донгазы, жуатъязы соосты но жуась чагъёсын кытчы сюрем йөттылйзы. Ог-огзылэсь дэремъёссэс но сутылйзы.

Нош мукетыз кузё кышно, бускельзы, воксё мукет вал: письёсты ог-огзы борды лач-лач интыяллез, гурез туен яке векчи чагъёсын кенжытылйз, котькуд эгырез кулэ интыезъя тырылйз, сузэ жазег тылыен чужылйз. Пинальёсты тыл доры өз лэзылы. Соин ик тыл шулдыр гинэ жуаз. Письёс яркыт тылын гомазы, котыре шуныт ыросъёс ысыяллязы.

Та доры бускель кышно вуиз но адзе: юртаын туж югыт.

— Кыче усто тынад тылыд, нош мынам письёсы шието гинэ, — шуиз но бускелезлэсь тыл кенжытыны жуо эгырзэ, жу кысканзэ но ку дасян погыльтэтсэ куриз.

Таиз жуо эгырзэ сөтйз:

— Ме, басьты. Нош погыльтэт жажы вылын кылле.

Бускель кышно таосты басьтйз но кошкиз. Тау карыны но вунэтиз.

Жоген югон (уй) вуиз. Ваньзы умме усизы. Тани лякытэз нылкышно вӱт адӱе: со доры горд-горд дӱськутэн, быдэсак тылын гомась кыӱе ке тодмотэм нылкышно вуиз но жожтӱське:

— Мынам кузӱ кышномуртэ уг чакла монэ. Учкы, дэреме жӱась чагӱёсын пасяллямын, пыдӱёсы но, киосы но — ма, быдэс мугоры сутскылэмын.

Та нылкышно горд саесӱёсыныз шонаськыны ӱдӱяз. Кузӱ кышнолы пӱсь луиз со тыл нылкышнолэсь. Тэтчыса султӱз, ӱсэз вӱлак усӱтӱз но — гуньдӱз: бускель юрта жӱаса быре ни. Бызӱыса вуиз, нош отын сэрегпумӱёс гинэ костасько на. Кайгыриз-кайгыриз но адӱе: сэргын, эгыр пӱлын, солэн жӱу кысканэз но погыльтэтэз кыллӱ — тыл соос борды воксӱ йӱтскылымтэ кадь.

Валатскиз нылкышно: тыл озӱы йӱнтэм кузӱ кышнолы жожам-йыркурӱаськем но пунэмзэ тылпуэн берыктэм.

Сказ о двух огнях

На берегу реки, недалеко от таёжного бора, устроили стоянку две семьи. Мужчины ходили в лес зверя промыслять, а женщины — ягоды собирать. Мужья на реку, на озёра — рыбу ловить, а жёны — рыбу солить, вялить, на зиму готовить да на стол собирать, семью кормить.

В каждом чуме горел свой огонь. Каждая семья по-своему берегла чувал, поддерживала, чтобы не погасли угольки. В семье Ани дети были малые, но спокойные и послушные. В семье Ими дети чуть постарше, но забот с ними не оберёшься: не слушают родителей и меж собой не ладят. Часто и малым деткам, что по соседству, докучали, до слёз доводили.

Ани-женщина учила своих детей доброму отношению к домашнему очагу, чтобы с костром шёпотом разговаривали, уважали его, за Огонь-духом наблюдали, слушали, о чём угольки шепчутся. Говорила мать:

— Огонь-женщина — хозяйка нашего очага. Но у неё есть много братьев и сестёр, есть и маленькие духи, и большой Огонь-дух, и всегда они обидчика найдут. Не обижайте сестёр духов.

Рассказывала о почитании огня у домашнего очага:

— Давным-давно, когда не было в Ваховской стороне огня, люди из рода Ани много работали, но жили в бедности, в холоде и голоде. Отправился тогда наш Иким, пра-пра-прародитель, в далёкую страну за Камень-гору и вернулся, держа за руку невесту Май-ни. А в другой руке — Огонь-дерево. Сшили они из красной материи платье. Осветили его и принесли в подарок Колпак-Ню. Было повелено: хранить красное платье нашей дорогой Няй-Ны да поглядывать на огненный уголёк пуще глазу, не сердится ли. Передавать огонь из рода в род. Вот и вы, мои детки, должны следить, чтобы не погас огонь нашего очага, чтобы не рассердился на нас.

А у Ими-женщины всё было наоборот. За детьми она не следила, толком не учила, сама ничего не делала. Сердилась на них:

— Вот я вас отдам огню на съедение!

К труду дети были непривычны и ленивы. Мусор разбрасывали, палками в тюгал тыкали, кричали громко, ссорились и дрались возле огня.

У хорошей хозяйки Ани костёр — словно вторая хозяйка очага, ухоженный. Место, что отводится вокруг, — чистое, песком светлым посыпано, зола — как мука пшеничная, а полешки в костёр — все ровные, жаркие. Серные, маслянистые дрова Ани убирала, чтобы не шипели. Всё успевала, бывало и дел разных, ой, как много.

Пришла как-то Ани-женщина уставшая: ягод семь туесов набрала, полсотни километров по кочкам да болотам прошагала, ног не чуя, комарами и мошкой искутана. Дети тоже притомились, по два больших туеса шишек кедровых собрали.

Муж с добрым уловом явился. Ани ужин приготовила, семью накормила. Лаек охотничьих не забыла, оленей в загоне проверила, дров к печке на ночь занесла — вечера осенние прохладными становятся. Еле до постели дошла, как сон сморил.

Явилась к ней женщина, вышла из костра, взгляд свой искоса бросила — заиграло на ней платье розовым облаком. В следующее мгновение огненным змием обратилось, с множеством шипящих голов. Хитро улыбнулась гостя и, прищурившись, произнесла:

— Видишь, какой я могу быть!

Размахнулась пламенным крылом — с братом своим младшим Тугот-Пуркой встретила. Дверь юрты распахнулась — входит гостьей женщина. Приглашает Няй-Ны:

— Проходи, сестра младшая, с чем пожаловала?

Вслушивается Ани-женщина в разговор и в толк никак не возьмёт. Отчего же её сестра в такой грязной одежде? О чём они друг другу жалуются? Младший брат, огонёк маленький, разгорелся, убеждает сестру:

— Огнём-пламенем пора разгуляться — развеять по лесу... И меня изранили. Надо сестру младшую защитить....

— Брат неразумный, — отвечает Няй-Ны, — моему очагу худа не делали. Усмири злой ветер, уприси пролететь мимо облаком. Прошу тебя об услуге: в том чуме находятся вещи моей хозяйки — вертел для очистки орехов, сохрани его.

На том и разошлись в разные стороны.

Прошла ночь. Проснулась Ани-хозяйка тревожная, удивилась такому сну:

— К чему бы это? Задобрить нужно огонь, где-то, видно, обидели.

И решила рассказать свой сон соседке.

Вышла из дома и вздрогнула. Соседнего чума не оказалось рядом.

А на том месте, где он стоял, только пепел да угли тлеют...

Значит, сон-то вещий был.

Поодаль заметила она грязно-красное одеяние: то было заветное когда-то платье младшей сестры Няй-Ны.

«Ушёл Огонь, обиделся, наказал нерадивых, — подумала соседка. — Где теперь искать его, захочет ли поверить он да вернуться?»

Взглянула на догорающие угли, видит: возле тлеющего костра лежит нетронутый пламенем её вертел для очистки орехов.

— Спасибо тебе, Огонь-дух, спасибо тебе, Няй-Ны, заветная охранительница моего домашнего очага, — благодарно прошептала Ани-женщина.

И слышалось:

— Спасибо и тебе, хозяйка!

Жык тылӥс сярысь мадӥс

Шурлэн ярдураз, пеймыт тэльлы матын, кык семьяос ин-
тыяськиллям. Воргоронӥс пӧйшураны нюлэскы ветло
вылэм, нош нылкышноос — емыш бичаны. Картӥс — шурӥсы но
тыосы — чорыг кутылыны, нош кышноос — сылалтыны сое, куась-
тыны, толалтэлы дасяны но жӧк вылэ пуктылыны, семьяез сюдыны.

Котькуд чумын аслаз тылыз жӧуам. Котькуд семья гур-тыл-
скемзэ, тылӧуэз медаз кысы шуыса, ас сяменыз чакласа-утялтыса
возем. Ани семьяын пинальӥссы арлыдзыя покчигес, но гань-ганесь,
кылзӥськисесь. Ими семьяын пинальӥссы вӧжогес, но соос сюлмась-
конӥс гинэ ваӥ: анай-атайзэс уг кылзо, куспазы уг тӧро; бускель
покчи пинальӥс борды но чемысь мерскыло, бӧрдон калэ вуттыло.

Ани-нылкышно аслэстыз пинальӥссэ дышетӥз: гурлы лякыт
мылкыддэ возъматано, тылскемен шыпыртыса вераськоно, гажано
сое, Тыл-лулосэз учконо-чаклано, эгыр тылӧуослэсь лушкем шы-
пыртэмзэс кылзоно.

Анай вераляз:

— Тыл-нылкышно — гур-тылскеммылэн кузӥез. Но солэн трос
агай-вынӥсыз но апай-сузэрӥсыз, пичи лулосӥс но, бадӧым
Тыл-лулос но вань. Соос котьку но шедьтозы урод, йӧнтэм муртэ.
Вӧсь эн каре но жӧже эн уськытэ со лулосӥсты.

Гур-тылскемез гажан-данъян сярысь мадылӥз:

— Кемалась-кемалась дырӥсы, куке Вах шаерын тыл ӧй вал
на, Ани чыжы-выжыысь адямиос трос ужазы, но куанер, кынмы-
са но сютэм улӥзы. Соку асьмелэн вашкала-вашкала чыжы-выжы
воргоронмы Иким Из-гурезь сӧры интыяськем кыдӥкысь шаере
кошкиз но аслыз кышнолы, китӥз кутыса, Май-ни (туган) ныл-
муртэ вайиз. Нош мукет кияз — Тыл-писпу. Горд басмалэсь дӧрем
вуризы соос. Вӧсязы-чылкытатӥзы сое но Колпак-нюлы (Тыл
лулкужымлы) кузьым сӥтӥзы. Косэмын вал: дуно Няй-нылэсь

(Тыл-нылкышнолэсь) горд дэрэмзэ утёно но эгыр тылжу шоры сак синмын учкылоно — вожзэ уг потты-а. Тылэз выжыысь выжые поттоно-нуоно. Озьыен, тйледлы но, мынам пинальёсы, чаклано: асьме гур-тылскеммылэн тылыз медаз кысы, асьмелы вожзэ медаз потты.

Нош Ими-нылкышнолэн ваньмыз мукет сямен вал. Нылпиос-сэ со укыр ик өз чакла, тыро-пыдо өз дышеты, ачиз но номыр өз лэсьты. Йыркурзэ гинэ возьматылйз соослы:

— Куто но сёто ай тыллы, мед сиёз со тйледыз!

Солэн нылпиосыз азьтэмесь вал, ужлы дышемын өвёл. Жуг-жа-гез пазяло, тылскеме бодыосын донгало, тыл дорын укыр шара кесясько, керето но жугисько.

Лякыт Ани кузёлэн тылскемез — гурлэн кыкетй кузёез кадь, лад-лад. Котырыз чылкыт, югыт луоен шобыртэмын, суэз — ча-бей пызь выллем, тылскемысь писъёс — вольытэсь, пөсесь. Сиро яке вөө писъёсты, медаз шиетэ шуыса, Ани палэнтылэ. Пёртэм ужпөръёсыз трослэсь но трос ке но, Ани ваньзэ лэсьтыса вуттэ.

Одйг пол Ани-нылкышно жадьыса бертйз: сизьым сарва тыр емыш бичаз, мучо но нюр-кудо сюресэз ог витьтон иськем ва-мышгъяз, пыдъёсыз номыре уг шодо ни, нош вылтырыз чибинен но пырнымыен куртчылэмын. Нылпиосыз но катьтэммизы — бы-дэн кык сарва кедр чыжинъёс бичазы ук! Картэз но пййшура-нысь бусьтыр узырлыкэн бертэм. Ани жыт сиён дасяз, семьязэ сюдйз. Пййшураны ветлэм пуныосты но өз вунэты, котыртэмысь пужейёсты чаклаз, гур дуре уйлы пу пыртйз — сйзбыл жытъёс салкыместь ни. Ани валес дорояз мырдэм вуиз но соку ик уйвотэ зымиз.

Со доры, тылскемысь потыса, нылкышно вуиз, син пумтйз учёртйз гинэ — вылысьтыз дэремез лемлет пиленен визыланы өдь-яз, собере вор-вор гомась, трос-трос йыро но шиетйсь кыен берыт-скиз. Нылкышно кескич пальпотйз но синзэ кынъыртыса вазиз:

— Адзйськод-а, кыче луыны быгатйсько мон!

Гомась бурдъёсыныз лопырскиз но — выныныз Тугот-Пуркоен (эгыр тылжүэн) пумиськиз. Юрталэн өсэз усьтйськиз но — кыш-номурт куно пыре. Няй-ны (Тыл-нылкышно) өте:

— Пыр, сузэре, кыче муг усиз ай татчы вуыны?

Ани кылзэ вераськемез но ноказыы валаны уг быгаты: Малы солэн сузэрез кырсь-шакшы дйськутэн дйсяськемын? Мар сярись ог-огзылы жожтйсько соос? Вынзы, пичильтык тыл, жуалскем но апайзэ оскытыны выре:

— Тылэн-тылпуэн юмшаны кутсконо — нюлэс кузя пазяно... Монэ вöсь каризы. Сузэрмес но утёно...

— Эн пöсекъя, выны, — вазиське Няй-ны, — мынам гур-тыл-скемелы номыр уродзэ өз лэсьтэ. Буйгаты лек төлэз, пилемен палэнэтй мед кошкоз. Быдэсты куронме: сояз чумын кузё кышно-елэн мулы сузян арбериез вань, уть сое.

Та кылъёс бере вын-сузэръёс люкиськизы.

Ортчиз уй. Ани сюлэмшуго сайказ, уйвөтэзлы паймемын:

«Мар вераны турттэмын вал отын? Тылэз нуныяны-буйгатыны кулэ, кин ке вöсь карем, лэся, сое».

Аслэсьтыз уйвөтсэ бускель нылкышнолы верано кариськиз. Дорысьтыз потйз но — дыректйз. Бускель чум интыяз өвөл ни. Солэн сылэм интыяз сэрегпумъёс гинэ гыбдало на... Озыеен, уйвөт зэмос вылэм. Ани палэнынгес кыллись кырсе-гордо зустариез синйыл-тйз: Няй-нылэн сузэрэзлэн куке но туж яратоно дэремез со. Ани гыбдась тылжу шоры учкиз но адзйз: солэн мулы сузян арбериез кылле — тыл со борды воксё йöтылымтэ кадь.

— Тау тыныд, Тыл-лулжум, тау тыныд, Тыл-нылкышно, гур-тылскемез оскымон утисе, — шыпыртйз Ани-нылкышно.

Со пумитэ кылйськиз:

— Тау тыныд, кузё кышно.

*Когда звери стали обижать,
ещё сказка моя училась летать...*

*Кукe пöйшургёс вöсь карыны кутскизы,
выжыкылэ мынам лобаны дышетскиз на...*

Жаги-ни и дeвка Пурнэ

Пришла весна, разлились речки. Стала вода затоплять ямки, а у зайчихи маленькие зайчата там спят. Испугалась она, надрала берестяной коры, стала шить коробки: в стенках дырки выгрызла, положила на дно травы, на неё — зайчаток, и сверху снова травой прикрыла. Взвалила лукошки на спину и пошла от сырого места. Идёт, зайчат несёт, а они в дырочки поглядывают. В лесу деревья распустились, серёжки повисли, и ещё какие-то разноцветные колокольчики зацвели. Увидел младший зайчонок, закричал:

— Мама, сорви мне один колокольчик, я поиграю.

Сняла она с дерева незнакомый маленький колокольчик, подала зайчонку, и глянь — зайчонок тут же с колокольчиком в землю провалился.

Долго она царапала лапками землю, не могла отыскать сыночка. То же и с остальными зайчатками случилось. Осталась она одна. Плакала-плакала, взяла в лапки топорик, надумала развести костерок. Только стукнула по пню, а из него выскочила лохматая девка:

— Пыр-пыр! — закричала.

С испугу зайчиха в беловолосую девушку обратилась. Стоит перед ведьмой Пурнэ, дрожит:

— Значит, ты, Наги-ни, хотела мой домик сломать?

— Я хотела дров нарубить, костерок развести, погреться. У меня горе. Мои детки-зайчатки сквозь землю провалились.

— Не беда, — проговорила Пурнэ, — будут ещё детки. Пойдём со мной. Я земляную юрту знаю.

Среди бурелома нашли они земляную избушку. Пурнэ и говорит:

— Так есть хочется.

— Я пянте-кул-пекар-инк — сушёную рыбу — в кузовке держу, из неё уху сварим.

Затопила Наги-ни костерок, в юрте тепло стало. У Пурнэ слюнки потекли.

— Теперь спать надо, — зевнула Пурнэ. — Снимай свою шубку из меха и беличьих лапок. Она тёплая, мягкая, ей укроемся. Моя — одно тряпьё, на ней лежать будем. А завтра я с тобой пойду.

— Куда ты пойдёшь? На улице холодно. Снег повалил, а у тебя ноги голые.

Нашла Пурнэ в избушке деревянную чашку, расколола на две половинки, привязала на голые ноги. Легли спать. Ночью повалил

снег. Застучал в стены тарам-вот (буран). Долго спала Наги-ни, а как проснулась, увидела — нет в юрте Пурнэ, нет её шубки. Лежит только грязная, худая шуба Пурнэ.

«Пусть идёт, — подумала Наги-ни. — Если она ведьма, шубка моя исколет её иголками, а чашки-половинки на ногах пусть тянут в разные стороны: одна — вперёд, другая — назад».

Только подумала так и видит: на снегу капельки крови, а за поворотом и сама Пурнэ на снегу стоит, управиться с половинками чашек не может. Одна половинка в одну сторону катится, другая назад тянет.

— Чего это у тебя шуба такая кусачая? — издали закричала она на Наги-ни. — Снаружи красивая, а внутри всю искусала. Даже кровь на снег капает, погляди.

— Не бери чужое, — ответила Наги-ни.

Стащила с Пурнэ свою шубку, ей рваную подала. Пошли дальше. Идут, не разговаривают. Скоро лай собак послышался. В стойбище пришли. Видят: с горы люди катаются.

— Давай загадаем, — сказала Пурнэ, — какой мужчина к нам подкатит, тот и мужем станет.

Только проговорила, как с горы к Наги-ни подкатил мужчина с железными коленками, а к Пурнэ — с перевязанными черёмуховыми ветками.

— Вот и невест нашли! — закричали люди.

Так остались жить в стойбище Наги-ни и Пурнэ. Хорошо стали жить.

Пришла новая зима. Люди опять после охоты и рыбалки стали с гор кататься. Мужья и попросили жён шубы сшить. Беловолосая Наги-ни крепкую, красивую шубу сшила. Увидела Пурнэ и говорит:

— Научи меня шить так же.

Наги-ни стала рассказывать, как крепкую шубу шить:

— На спинку — шесть шкурок, на плечи — по одной, впереди, чтобы шуба шире была, — семь шкурок бери.

Побежала Пурнэ домой. Всю дорогу приговаривала: «На спину — шесть, впереди — семь, не забыть на плечи». Вдруг запнулась о кочку, и всё из головы вылетело. Села шить мужу шубу, все пальцы исколола. Где шила, где клеила, где нитками стягивала. Сшила кое-как.

Пришло время с гор кататься. Прокатился муж Наги-ни — шубка ещё красивей стала. Покатился муж Пурнэ — вся шуба развалилась на отдельные лоскутки.

С тех пор так и говорят на Вахе: «Это Пурнэ непутёвая шила!» — если женщина не умеет свою семью обшивать.

Наги-ни (Төдъы нылкышно) но Пурнэ (ведйн) ныллурт

Т улыс вуиз, шуръёс öрысьтызы потйзы. Вань гопъёс но нюкъёс вуэн тырмизы, нош лудкечлэн пичи нылпиосыз изё вал. Кышкатскиз лудкеч, кызыпулэсь туйзэ кесяз но кудыос вуриз: борддоръёсаз пасъёс йырйиз, пыдэсаз турын тыриз, со вылэ нылпиоссэ интыяз но вылтйз нош ик турынэн шобыртйз. Кудыоссэ тыбыр вылаз жутйз но нюр-куд интыысь палэнэ вамышгъяз. Мынэ со, нылпиоссэ нуэ, нош соосыз пасъёстй учкыло.

Нюлэскын писпуос куаръяськемын, угыоссэс ошиллям. Эшшо кычё ке турлы буёло чингылиос сяськаяллям. Покчиез лудкечпи, соосты адзъыса, шуак кеськиз:

— Анай, ишкалты мыным одйгзэ чингылиез, мон шудо соин.

Лудкеч одйгысьтыз писпуысь пичильтык гинэ тодмотэм чингылиез басътйз, пиезлы сётйз но — учкы ай, пиез чингылиен ёош музъем пушкы усиз. Кема чабъяз лудкеч музъемез, нош пиез шедьтыны öз быгаты. Мукет нылпиосыныз но та выллем ик луиз. Лудкеч огназ кылиз. Бөрдйз-бөрдйз но кияз тйр кутйз — тылскем

аратыны малпаз. Лйял борды шуккиз гинэ, отысь лусьтро нылмурт тэтчыса потйз:

— Пыр-пыр! — кеськиз.

Лудкеч, кышкаменыз, тӧдбы йырсиё нылкышнолы пӧрмиз. Пурнэ (ведйин) азын сылэ но куалекъя.

— Озыен, тон, Наги-ни (Тӧдбы нылкышно), мынэсьтым юрт-ме тйяны турттйськод вал?

— Пу кораса, тылскем аратыны малпасько вал — шунтйськыны. Кайгу пачкатйз монэ. Мынам нылпиосы музъем пушкы усизы.

— Мар кайгыронэз, — вазиз Пурнэ, — луозы на нылпиосыд. Ойдо сьӧрам. Мон музъем юртаез тодйсько.

Тӧлэн погыръям писпуос улысь соос музъем юртаез шедьтйзы. Пурнэ шуэ:

— Кӧт сумаз ни.

— Мынам сьӧрам пянте-кул-пекар-инк (куасьтыса изэм чорыг) вань, солэсь сиён пӧзьтом.

Наги-ни тылскиз но, юртаын шунит луиз. Пурнэлэн дьльдыез шыр кошкыны ӧдъяз.

— Табере изёно, — вушйиз Пурнэ. — Коньы кулэсь вурем шубадэ кушты. Со шунит, небыт — соин шобырском. Мынамез воксё зустари кадь ни — сое уламы вӧлдом. Нош чюказе мон тонэн чӧш мыно.

— Кытчы мынод тон? Кырын кезыт. Лымы усе. Нош тынад пыдъёсыд — гольыкесь.

Юртаысь Пурнэ пу чаша шедьтйз, сое кык жыныослы люкиз но гольык пыдъёсаз думиз.

Изыны выдйзы. Уйин жобаськыны ӧдъяз. Борддоръёсы тарам-вот (силтӧл) кокаськиз.

Кема изиз Наги-ни, нош султэм бераз адзиз — Пурнэ юртаын ӧвӧл, шуба но ӧвӧл ни. Пурнэлэн пӧсьтылэм но кырсь-шакшы шубаез гинэ кылле. «Мед кошкоз, — малпаз Наги-ни. — Ведйин ке со, мынам шубае сое венъёсын мед бышкоз, нош пыдысьтыз чашалэн

жыныосыз пөртэм палъёсы мед кыскозы: одигез — азьлань, мукетыз — берлань».

Озбы малпаса вуттйз гинэ — адзе: лымы вылын — вир шапыкъёс, нош кожон сьорын ачиз Пурнэ лымы вылын сылэ, чашалэн жыныосыныз кивалтыны выре. Одигез жыны азьлань питыраны выре, мукетыз берлань кыске.

— Малы тынад шубаед сьче куртчылйськись? — кыдёкысен ик кеськиз со Наги-ни шоры. — Вылтусын чебер кадь, нош пушласянь куртчылйське. Учкы ай, лымы вылэ вир шапыкъёсы усьыло ни.

— Муртлэсьсэ басьтоно өвёл, — вазиз Наги-ни. Пурнэ вылысь шубазэ кыскиз но солы аслэсьтыззэ, посьтылэм но кырсь-шакшы мае ке, мычиз. Соос азьлане вамышъязы. Мыно, куспазы уг верасько. Жоген пуны куараос кылйськизы. Таос улон гуртэ вуизы. Адзо: адямиос гурезьын нискылало.

— Ойдо туналом, — вазиз Пурнэ. — Кудйз воргорон вуоз асьме доры, со ик карт луоз.

Тазы вераз гинэ, Наги-ни доры корт пыдесо воргорон вуиз, нош Пурнэ доры — льөмпу вайёсын бинялтэм пыдесо воргорон.

— Ма, вуоно кышноосмес шедьтйм ук! — кеськизы воргоронъёс.

Озбы Наги-ни но Пурнэ гуртэ улыны кылизы. Улонзы усто азьланьскиз.

Вылез тол вуиз. Адямиос, пййшураны но чорыганы ветлэмзы бере, нош ик гурезьын нискыланы кутскизы. Соин ик картъёс асьсэ кышнооссэс шубаос вурыны куризы. Төдбы йырсиё Наги-ни чебер но юн-юн шуба вуиз. Пурнэ тае адзйиз но шуэ:

— Дышеты монэ тазы ик вурыны.

Наги-ни мадыны кутскиз, кызы лад-лад шуба вуоно:

— Тыбыре — куать ку, пельпумъёсы — быдэн одйг, нош азе, шуба паськытгес мед луоз шуыса, — сизьым ку.

Пурнэ дораз бызиз. Быдэс сюрессэ шыпыртйз: «Тыбыре — куать, азе — сизьым, пельпумъёсы но медам вунэты...» Шөдтэк

шорысь муҷ борды канжаськиз но, вань тодонэз йырысьтыз төлэйиз. Картэзлы шуба вурыны пуксиз, вань чиньюссэ бышказ. Кытй ке вуриз, кытй ке лякылэйз, кытй ке сйньысэн шымыръяз. Кызъы но озыы пөрмытйиз кадь.

Гурезьын нискыланы дыр вуиз. Наги-нилэн картэз нискылтйиз — шубаез уката но чебер луиз. Пурнэлэн картэз нискылтйиз — шубаез нимаз кесэгъёслы сэрттйськиз. Со дырысен, кышномуртлэн вуриськемез йөнтэм пөрме ке, Вах шаерын озыы ик верало: «Сое кыиз мынйсьтэм Пурнэ вуриз».

Жадная ворона

В глухом лесу жила Урн-ике с воронятами, а под кустом Те-гор с зайчатами. Зайчиха всё по лесу бегала, корм зайчатам приносила. Они росли чистенькие, сытенькие. А ворона только по лесу летала, кричала да каркала. Всех от себя отпугивала. Воронята росли горластые, перья взъерошенные. Все рты разевали, есть просили.

И говорит как-то ворона зайчихе:

— Возьми меня на охоту. Ты всегда своим зайчатам еду находишь.

— Нет, — говорит зайчиха, — ты горластая, себя выдашь и меня погубишь.

— Возьми, — просит ворона. — Буду делать как ты.

— Я сухие листочки собираю, травинки, а тебе мыши нужны. Твои воронята травой не насытятся.

— Возьми, — не отстаёт, просится ворона.

— Ну ладно, — вздохнула зайчиха. — Только ради твоих воронят. Устала я их голодное карканье слушать.

На другое утро отправились на охоту: ворона летит, зайчиха бежит.

Видят охотничью тропу. Закаркала ворона. Зайчиха ей и говорит:

— Прячься, садись на обгорелый пень, а я под кустами затаюсь.

Спрятались.

Вдруг слышат: «Чухыр-р-р!». Это по лесу шёл Сувсики — лесной людоед. Идёт по тропе, пыхтит, за собой на верёвке привязанных выдр тащит.

Не вытерпела ворона, взлетела, начала кричать и каркать:

— Дедушка, какую я выдру возьму?

Лесной людоед оглянулся. Увидел над головой ворону, поднял палку, на которую опирался, да как стукнет вороне по голове, та и упала.

Выскочила из кустов зайчиха, нашла ворону, а та лежит на едва приметной тропке, только ножками дрыгает.

Побежала зайчиха за лесным людоедом, отгрызла верёвочку с одной выдрой, взяла за лапку и потащила к кустам, где зайчатки и воронятки остались.

— Тётенька зайчиха, где наша мама? — загалдели воронята.

— Сзади, она не летит, а по тропке идёт, вам жирную выдру тащит.

Прошло немного времени, воронята опять кричат:

— Тётенька зайчиха, наша мама всё ещё домой не прилетела.

— Спускайтесь с дерева, поешьте мяса.

Спустились воронята в заячью нору, поклевали ного (мяса), уселись в угол, спрятали головки под крылышко, уснули.

Не успело солнышко взойти, воронята уже залетали, закричали:

— Где наша мама? Где наша мама?

— Летите по охотничьей тропе, может, её увидите.

Полетели воронята, все тропки оглядели и на одной, самой травянистой, увидели: кто-то шевелится. Пригляделись, а это их мать по тропе ползёт, на крылья подняться не может.

Захлопали воронята крыльями:

— Пойдём тихонечко к заячьей норе, у них мясо есть, ты поешь и взлетишь на крыльях, — прокаркал старший воронёнок.

Еле-еле вороньими шажками дошли они до заячьей норы.

А зайчихи с зайчатами уже не было. Убежали они опять сами себе корм добывать.

Скоро ворона поправилась, отъелась мяса, а воронята стали сами о себе заботиться. И всё время вспоминали добрую зайчиху.

Сук сяло куака

Пеймыт нюлэскын улйз Урн-ике (куака) аслаз нылпиосыныз, нош куак улын — Тегор (лудкеч) аслаз пинальёсыныз. Лудкеч ялан нюлэс кузя бызьылйз, лудкечпиосызлы сиён нулйз. Пичиос туж чылкыт но кёттыро будйзы. Нош куака сопала-тапала лобаз, кесяськиз но каргетйз. Ваньзэсты куараеныз кышкатъяз. Куакапиос но гулымзэс кесяса кесяськылйзы, тылыоссы чүштырпаштыр урдйськылэмын. Ымъёссэс усьяло — сиён куро.

Одйг пол куака вазиськиз лудкечлы:

— Басьты монэ сьöрад пöйшураны. Тон котьку но аслад нылпиосыдлы сиён шедьтйськод.

— Уг, — шуэ лудкеч, — тынад куараед укыр бадзым, астэ шараялод но монэ бырон калэ вуттод.

— Басьты, — куре куака. — Ваньзэ тонья лэсьто.

— Мон куасьмем куарьёсты, турын-куарез бичасько, нош тыныд шыррьёсты кутылоно. Куакапиосыд турынен кётсэс уз тыре ук.

— Басьты, — куриське куака.

— Ярам, — лулзйз лудкеч. — Нылпиостэ жаляса гинэ. Жади ни мон сютэм каргетэмзэс кылзыны.

Чукнаяз соос пöйшураны кошкызы: куака — лобзе, лудкеч — бызе. Тани пöйшурасьлэсь лёгем сюрессэ адзйзы. Куака каргетыны öдъяз. Лудкеч шуэ солы:

— Тйни жуам лйял вылэ пуксьы, нош мон куакъёс улэ ватско.

Пегзйзы. Шöдтэк шорысь кыло: «Чухыр-р-р!» Озын нюлэс кузя Сувс-ики (адями сиись) вамышгья. Сюрес кузя мынэ но жуштэ, сьöраз гозыен керттылэм мыйёсты (вукомакъёсты) кыске.

Öз чидани куака — лопырскыса жутскиз но кесяськыны-каргетыны кутскиз:

— Песятай, кудйз мый мыным луоз?

Сувс-ики котырак учертйз. Йыр вадьсысьтыз куакаез адзйз, пыкъяськоно бодызэ жутйз но — шуккиз ук куакалэн йыраз! Куака

кытчы ке писпуос вискы киргаз. Куакъёс пушкысь лудкеч тэтчыса потйз, куакаез шедьтйз: соиз пичильтык гинэ кужен сюрес вылын кылле но кукъёссэ выретэ-кыска.

Лудкеч Сувс-ики съёры бызьыса кошкиз, одйг мыйлэсь гозызэ йырийыса уретйз, мыез пыд бордытйз кутйз но куакъёс съёры кыс-киз, нош татын лудкечпиос но куакапиос пуко вал.

— Лудкеч апай, кытын милям анаймы? — чашетыны одъязы куакапиос.

— Жоген вуоз. Со уг лобзы — сюрес кузя вамышгъя, кый мыез кыскыса вае тйледлы.

Көня ке дыр ортчыса, куакапиос нош ик кесясько:

— Лудкеч апай, анаймы дорамы өз вуы на.

— Писпуысь ваське но сйль сие.

Куакапиос лудкеч каре васькызы, сйль кокчазы, сэреге инты-яськызы, йырбёссэс бурдьёссы улэ ватйзы но умме усизы.

Шунды өз жутйськы на, куакапиос лобало, кесясько ни:

— Кытын анаймы? Кытын анаймы?

— Пойшурасълэн сюресэз кузя лобзе но — оло, адзоды.

Куакапиос лобзизы, вань лёгам сюресъёсты учкылйзы но вож туры-куаро сюрес вылысь кинлэсь ке выремзэ-гызмыльтэмзэ синйылтйзы. Сакгес учкызы но — анайзы вылэм: сюрес вылтй нюжтйське, вылэ жутйськыны уг быгаты. Куакапиос бурдьёсыны-зы шоназы.

— Ойдо лудкеч кар доры мыном кален, соослэн сйльзы вань, тон сиськод но бурдьёсыныд жутйськод, — вераз вожоез куакапи.

Куака вамышгёсын мырдэм-мырдэм вуизы соос лудкеч кар доры. Нош лудкеч аслаз пинальёсыныз отын ой вал ни. Асьсэлы асьсэос сиён утчаны кошкызы соос.

Куака жоген бурмиз, кёттырмоназ сйль сииз, нош куакапиос асьсэды асьсэос утялтыны кутскизы. Лякыт лудкечез соос ялан зеч кылын гинэ тодазы вайылйзы.

*Когда люди стали народом,
сказка моя стала летать...*

*Кукe адямиос калык луизы,
выжыкылэ мынам лобаны кутскиз...*

Загадочное имя

У мужа с женой была одна-единственная дочь. Росла она скромницей, рукодельницей. Как стала подрастать, стала на охоту с отцом ходить. «Растёт Май-ни, — думает отец. — Скоро и женихи свататься станут».

— Плохо нам без неё будет, — говорит мать.

— Но как жить без внуков? Не сразу будем замуж отдавать. Калым просить не будем, а всех, кто посватается, попросим отгадать её имя.

— Ладно, — согласилась мать. Придумали имя девушке и стали спокойно жить.

Сваты не заставили долго ждать. Один сват приехал, другой. И все своих сыновей нахваляют:

— У меня сын белку прямо в глаз стреляет, — говорит охотник.

— Мой сын лучше всех облас делать умеет.

— Мой сын уже с верховья дальней реки Туи стадо оленей пригнал.

А вечером, когда все сидели возле огня, за окном прошуршали чьи-то шаги. Открылась дверь, и в юрту вошёл незнакомый паренёк. Все подумали: «Этот не с Ваховской стороны. Малица другим рисунком расшита. Подпоясан ремнём, на котором нож в расписных ножнах, колчан со стрелами». При виде его, лицо девушки вспыхнуло.

Это заметил людоед, который превратился в человека и тоже сидел рядом со всеми возле чучала.

— За того дочь отдам, кто отгадает её имя, — объявил отец.

Стали перебирать имена. Один круг прошли, другой круг прошли, а никто не угадал имя девушки. Встали, откланялись и поехали по стойбищам думу думать, имя отгадывать.

Прошло по небу двадцать лун. Снова собрались охотники возле огня имя девушки отгадывать. Людоед совсем не знал женских имён, выскочил на улицу, схватил за загривок собаку, приподнял, потряс, зарычал:

— Говори, как зовут дочь твоего хозяина!

Заурчал пёс, оскалил зубы. Людоед давай у него шерсть выщипывать. Заскулил пёс, а людоед твердит одно:

— Скажи имя, скажи имя!

Вдруг разинул пасть — и проглотил собаку. Подержал в брюхе, выплюнул. Собака завизжала, задрожала, у неё не было силы убежать от людоеда.

— Видел, как у меня в брюхе темно? Проглочу снова, не выплюну!

— Ай-вар-ике — её имя.

Забежал в юрту людоед и закричал:

— Ай-вар-ике! Ай-вар-ике!

Вздрогнула девушка, заплакала мать, но делать нечего. Повесили головы сваты. Ушёл и молодой охотник.

— Бери в жёны дочь мою, — сказал отец жениху. — Отгадал её имя.

Остался обманщик жить у них. И хотя он имел облик человека, всё равно от него шёл то прелый дух, то гнильём от него пахло, то болотиной. Заметила мать, что загрустила дочь, есть перестала, пить перестала.

— Умрёт, — шепчет горестно отцу.

— Сам вижу, — ответил отец. — Надо нам научить её, как убежать от людоеда.

— Нелегко это. У него ноги сильные, руки крепкие, зубы острые.

Как-то вечером, когда людоеда не было в юрте, мать сказала дочери шёпотом: «Обмануть его надо». Догадалась Ай-вар-ике, о ком заговорила мать, согласно кивнула головой.

— Давно когда-то твоя имиль дала мне гребешок, брусок и топорик. Давала и говорила: «Тебе не надо будет, кому-нибудь другому, доброму человеку отдашь, пригодится». Пришла пора пошевелить бабушкины подарки. Скоро мы попросим вас съездить в котла-ёр. Туда ехать на лошади. Вот ты и подумай, где, в каком месте бросить за спину гребешок. Тебе слова сказать надо: «Встань за мной, лес густой». Сама садись на коня и мчись, пока погоню не услышишь. Тогда брусок брось и скажи: «Всё в вечный камень превратись». Горы поднимутся за тобой, а ты всё скачи, не останавливайся, не оглядывайся. А если и тут погоню услышишь — не оборачивайся, а то твой муж вместо лошадиного хвоста тебя схватит. Ты брось тогда за спину топорик, скажи: «Руби того, кто догоняет меня, на мелкие кусочки».

Всё так и случилось. Пришлось Ай-вар-ике и гребешок бросать за спину, и брусок. А когда чья-то рука стала хватать лошадь за хвост, бросила топорик. Сказала слова, каким мать учила. Застучал топорик.

Не видела ничего Ай-вар-ике, нёс её конь, куда глаза глядели. Тут конь запнулся и упал, только и прошептал: «Теперь близко», — и закатил глаза. Осталась одна Ай-вар-ике, кругом лес неизвестный да тихая протока. Пригляделась и видит: плывут по волнам лёгкие стружки. Догадалась: «Кто-то лук мастерит. Пойду против течения. Оттуда стружки плывут». Шла, шла, увидела под сосной берестяной чум. Зашла тихо. Видит: сидит мужчина, точит стрелы.

— Петявола, — сказала Ай-вар-ике чуть слышно.

— Проходи, добрый человек, гостем будешь, — ответил мужчина, вставая. И тут выпали у него из рук выструганная стрела и нож, которым строгал её.

— Ай-вар-ике! — закричал молодой охотник, тот, который не смог угадать её имя. — Долго я ждал тебя...

Обнялись они и стали жить да детей растить.

Синпöртлo нил

Жышноен картлэн одйг гинэ нылзы вал. Туж лякыт сямо но кибашлы будйз. Вöжогес лубыса, атаез сьöры пöйшураны ветлыны кутскиз. «Будэ нылы, — малпа атаез. — Жöген егит пиос кураны вуозы».

— Сотэк асьмелы туж урод луоз, — вера анаез.

— Но кызьы нунокъестэк улод? Соку ик кышнолы ум сётэ ук. Калым ум куре: кин кураны лыктйз, нылмылэсь нимзэ мед тодоз.

— Ярам, — соглаш луиз анай.

Нылзылы ним малпазы но гань-гань кариськизы.

Курасьёсты кема возьмано өз луы. Оدیгез вуиз, мукетыз. Коть-кудйз курасть аслэсьтыз пизэ ушъяны выре:

— Мынам пие коньылэн синмаз ыбыса йоттыны быгатэ, — вера пöйшурась.

— Мынам пие котькинлэсь устогес пыж лэсьтыны пöрмытэ.

— Мынам пие кыдёкысь, Туй шулэн выльысьтыз, быдэс уллэ пужейёсты уल्याса вайиз.

Нош жыгазе, ваньзы тылскем котырын пукон дыръя, укно съöрын пыд куараос кылйськизы. Öс усьтйськиз но, юртае тодмотэм пияш пыриз. Ваньзы малпазы: «Вах шаерысь öвöl та. Ма-лицаез (пужей кулэсь дйськут) мукет суредэн пужъятэмын. Кускерттонэз — е, е борды пурт возён но ньöльёсын пуртэс (колчан) ошемын». Нош нымуртлэн ымнырыз, егит пиез адзыса, соку ик чыжектыз. Тае синйылтыз Сувс-ики (адями сиись), кудйз, адями-лы пöрмытскыса, озьы ик тылскем дурын пуке вал.

— Нылме сето солы, кин солэсь нимзэ тодоз, — ивортйз нымуртлэн атаез.

Нимёсты тодазы вайизы. Соиз вылэ, таиз вылэ дугдылызы, нош нымуртлэсь нимзэ нокин өз тоды. Султйзы, йыбырттызы но ас улон интыюсазы кошкизы — нимез тодон понна, малпаськыса пукыны.

Инбам кузя кызь толэзьёс ортчизы. Пöйшурасьёс нош ик тылскем котыре люкаськизы но нымуртлэсь нимзэ тодыны выризы. Сувс-ик нылкышно нимёсты воксё уг тоды вал, ульчае бызъыса потйз, пуныез сильсьöртйз кырмиз, жутйз, зуркатйз но ыргетйз:

— Вера, кызъы нимало кузёедлэсь нылзэ.

Пуны ургетйз, пиньёссэ зар поттыз. Сувс-ики кутскиз ук гонзэ ишкыны солэсь! Пуны нискетыны öдъяз, нош Сувс-ики ялан аслэсьтыз куасалтэ:

— Вера нимзэ, вера нимзэ!

Шөдтэк шорысь ымзэ усьтйз но — пуныез нбылйз. Көтпушказ көня ке возем бере, берен сяззыса поттйз. Пуны куаньгетыны, дырекъяны өдяз, Сувс-ики дорысь быззыса кошкыны кужымез өз тырмы ни.

— Адзид-а, кыче пеймыт мынам көтпушкам? Нош ик нбыло но — сяззыса уг потты ни!

— Ай-вар-ике (Инвожо) солэн нимыз.

Сувс-ики юртае быззыса пыриз но кеськиз:

— Ай-вар-ике! Ай-вар-ике!

Нылмурт дыректйз, анай бөрдены кутскиз, но мар карод. Курасьёс йырйёссэс ошизы. Егит пййшурась кошкиз.

— Басьты нылме кышнолы, — вазиз атай. — Нимзэ тойд солэсь.

Пояськись мурт соос доры улыны кылиз. Солэн тусыз адямилэн кад ик вал ке но, со бордысь я пурысьтам, я сисьмем, я нюр-кудзын потылйз. Тае шөдйз анай, нош солэн нылыз мөзмонэ усиз, сиемысь дугдйз, юэмысь дугдйз.

— Кулоз, — вось сюләмен шыпыртэ анай.

— Ачим адзисько, — вазе атай. — Асьмелы дышетоно сое, кызы Сувс-ики дорысь пегзоно.

— Капчи өвөл со. Сувс-икилэн пыдйёсыз кужмоесь, киосыз юнэсь, пинйёсыз лэчытэсь.

Одйгаз жытазе, куке Сувс-ики юртаын ой вал, анай шыпытэн гинэ вераз нылызлы: «Пояно сое». Ай-вар-ике валатскиз, кин сярись вера анаез; соглаш луэмзэ возьматыса, йырыныз шонтйз.

— Кемалась дырйёсы ай тынад имилед (песаяд) мыным йырсын, шер но тйр сётйз вал. Сётйз но шуиз: «Тыныд кулэтэм луизы ке таос, кинлы ке мукетызлы, лякыт адямилы, сётод». Дыр вуиз песянаедлэсь кузьымйёссэ кутыны-вырзйтыны. Жоген ми тйледыз котла-ёр (лымшор) пала ветлыны куром. Отчы валэн мыноно. Тон малпаськы, ку но кыче интыын йырсынэз тыбыр сьорад зйртоно. Сэрпалтыкуд верано: «Султы мон мышкы, пеймыт нюлэс». Ачид вал вылэ пуксы но лобаты, сьорад уйиськемез шөдытозь. Соку

шeрeз сэрпалты но шу: «Мар мышкам, ваньмыз излы пӧрмытскы». Мышкад из гурезьӛс жӱтскозы, нош тон ялан вортты но вортты, эн дугдылы, мыштэ эн учкылы. Нош татын но уйиськемез шӧдӱд ке — йырде эн берыкты, озьытэк тынад картэд, вал быжез интые, тонэ кырмоз. Тон сэрпалты тыбыр сьӧрад тӱрез но вера: «Мон сьӧры уйиськисез-сутӱсез векчи юдэсьӛслы кора».

Ваньмыз озьы ик пӧрмиз. Ай-вар-икелы йырсынэз но, шeрeз но тыбыр сьӧраз сэрпалляно луиз. Нош кинлэн ке кыиз валлэсь быжзэ кырмыны ӧдъяз гинэ, Ай-вар-ике тӱрез зӱртӱз. Анаезлэсь дышетэм кылӛссэ вераз. Тӱр куара кылӱськиз. Ай-вар-ике номыре ӧз адзӱлы, солэн валэз азьлане ворттӱз.

Но вал шӧдтэк шорысь канжаськиз но усиз, вераса гинэ вуттӱз на: «Табере матын ни», — синьӛссэ берыктӱз. Ай-вар-ике огназ кылиз, котырак нюлэс но шыпыт шур бызе. Сакгес учкиз но адзӱе: тулкымӛс вылын, капчи лӱйкаса, пу шелепӛс гылзӧ. Валатскиз: «Кин ке пукычӱ йӧндыре. Ву ӧрлы пумит мыно. Шелепӛс сопалась уяло». Мынӱз-мынӱз но пужым улысь туй чумез адзӱиз. Шыпытак гинэ пыриз. Адзӱе: воргорон пуке но ньӧльӛсты йылса.

— Петявола (зӛчбуресь), — мырдэм кылымон вазиз Ай-вар-ике.

— Пыр, лякыт аями, куно луод, — султонъяз вазиз воргорон. Шуак солэн кыисьтыз пурт но вӧлоно ньӧлэз усизы.

— Ай-вар-ике! — кеськиз егит пӧйшурась, самой со, кин нылмуртлэсь нимзэ ӧз тоды вал. — Кема возьмай мон тонэ...

Зыгырскизы соос. Валче улыны но нылпиос вордыны кутскизы.

Золотая хозяйка

В давние времена жил на устье реки один Старик. Была у него жена или нет, никто не видел. Была ли у него семья, никто не знал. Шла такая молва в народе: кто к нему остановится на погост — обязательно увидит чудо. Пригласит он отведать чего, будто неведомая сила выставит на стол самую лакомую еду, что скатерть-самобранка. Никто не приносит тарелки — яства сами собой являются.

Старик говорит:

— Не пугайтесь, гости дорогие! Это моя жена готовит.

С тех пор много гостей и друзей у Старика стало. Все хотели бы узнать о чуде. А он им говорит:

— Хозяйка у меня святая, невидима для других. В трудную минуту послал мне Торум добрую жену. Она красивая, умная, работающая. Только я могу видеть её золотые руки, и никто другой. Молитесь, и вам воздастся.

Много стало завистников у Старика. А он всех привечает.

Однажды было так. Недалеко от него, ниже течения реки, жила дружная семья. У них были два сына. Не поверили они рассказам людей о доброй хозяйке и собрались разузнать правду. Сели в обласа и вскоре объявились у Старика. Спрашивает он их:

— Что привело вас ко мне?

— Хотим узнать, как поживаете.

Пригласил Старик в свою избушку:

— Проходите, гости, угощу вас.

Расселись братья за столом. Хозяин сказал:

— Жена моя! Накорми молодых людей. Устали они с дороги, напои их чаем горячим с отваром смородиновым да постель мягкую постели.

Не успел старик произнести, как стали появляться на столе разносолы. Целое пиршество. Тут тебе и оленина, и строганина, и пирог

муksуний запечённый, и жарёнка рыбная, и подавуха отменная, — всего не перечесть. От одного только вкусного запаха да обилия пищи на столе можно насытиться. А братья, чуть было язык не проглотили, и спасибо за приглашение толком вымолвить не могли. Старик доволен, улыбаясь, говорит:

— Не пугайтесь, отведайте угощения. Моя жена мастерица, настоящая Золотая хозяйка.

Успокоились добрые молодцы, потрапезничали. Во что не верили — убедились, что не едали — попробовали. А любопытство всё равно верх берёт, расспросить бы Старика о чудесах своей хозяйки.

— Урожайный год выдался, — издалека начали разговор братья, — богатый нынче промысел. Много рыбы наловили. Белок добыли, дичи: глухарей, косачей. В урманах рябчиков сколько! Ягод заготовили на зиму. Только еды такой, что хозяйка потчевала, не видывали и не вкушали.

Так хвалили хозяина да хозяйку, себя хвалили, не заметили, как вечер наступил.

Остались ночевать. Уже засыпать стали, как один из братьев шепчет:

— Не спишь ли?

— Не сплю.

— Не увидели мы жену Старика. Не показалась гостям. Ни слова не услышали и от него.

И придумали: утром пролить на скатерть горячий чай. На том и порешили. Стихло кругом. Только слышался храп Старика. Видно, крепко уснул, намаялся за день.

Проснулись братья, когда солнце уже стояло высоко в небе. День тёплый и ясный. Хозяин уже на ногах давно, что-то по хозяйству мастерит. Подошли к нему, а он рассмеялся:

— Долго спите. Говорили, урожай богатый, а сами ленитесь. Неужто вас родители не приучили к работе? У нас летний час — зима в запас.

Насупились братья, промолчали.

— А я вот нарту готовлю. Старая-то не выдержит, за зиму развалится. Как буду в лес ходить? — проворчал Старик.

Снова не поддержали разговор братья — о своём думают, как бы тайну выведать.

— Ладно, пойдёмте к столу.

Старик, направляясь к дому, крикнул:

— Жена, накрой нам стол.

Стол накрылся. Позавтракали. Пришло время сугмелуват (чай берёзовый) пить. Старик опять:

— Жена, подай нам чайку.

Так же, как и вчера, откуда-то со стороны чувала появились кружки, наполненные ароматным смородиновым чаем. Они бойко направлялись к столу. Только коснулись поверхности, как вдруг один из братьев нечаянно опрокинул кружку с горячим кипятком.

Послышался вскрик, похожий на жуткий стон, и через минуту в воздухе промелькнули обожжённые женские пальцы. На мгновение перед ними предстала невиданной красоты Золотая Женщина. Испугались братья, бросились бежать к обласам, и вскоре скрылись за поворотом реки.

Вечером Старик позвал жену. Когда накрывался стол, он видел, как мелькает туда-сюда белая тряпица: ею жена обернула обожжённую руку. Старик съехидничал, рассмеялся:

— Что это тут за пютка носится? А мне не покажется? Неуклюжая какая Женщина!

Спокойный женский голос ответил:

— Не время ещё. К утру всё заживёт. Кушай и ложись себе спать.

Крепко спал Старик, проснулся к полудню.

— Что это я так заспал? — недовольный, пробурчал себе под нос.

Вышел во двор, ополоснул лицо водой и крикнул:

— Эй, Хозяйка! Отчего меня не разбудила? Когда кормить думаешь? Совсем разленилась.

Вошёл в избу. Тишина вокруг. Стол стоит. На нём — ни одной тарелки. Чайник пустой. Печка холодная. Удивился Старик, пище прежнего рассердился:

— Что такое? Перечить вздумала! Где ты, жена?

Никто ему не ответил. Осмотрелся вокруг, прошёл взад-вперёд по избе, заглянул под кровать. Никого не увидел, ничего особенного не заметил. Крикнул раздражённо:

— Что с тобой? В прятки вздумала поиграть? Отзовись сейчас же.

В избе — тишина. Вышел он во двор. Показалось, будто с неба Великий Торум глядит на него.

— Как это, мой Торум? — стал он жаловаться, взмолившись к небу. — Сказал, что не буду я нужды в еде испытывать. А тут что?

Вдруг прогремел тарам-вот (гром), голос Торума послышался:

— Старик! Доверил я тебе одну из дочерей своих за твоё мастерство и доброе сердце.

— Так и есть, — подтвердил Старик. — Не растратил я доброты. Кто в гости приходит, всех угощаю.

— Так-то так. Да только не уберёг ты Хозяйку, от завистливых людей не защитил. Пришлось показать ей свои золотые руки. А уговор был. Да и сам ты обидные слова произносил. Не в покорность она была призвана для тебя, а второй половинкой! Что же мне с тобой делать?

Испугался Старик, потупил взор, понял, что обидел Золотую женщину, да делать нечего.

Сказал Торум:

— Посему так теперь будет: пищу ты сам себе добывать станешь, и стол накрывать, и гостей привечать, когда потребуется.

Говорят, как потерялась добрая женщина, Старик погоревал-погоревал да и отправился в дорогу.

До сих пор ищет свою Золотую хозяйку.

Зарни кышно

Вашкала дырѣсы вал со: шурлэн усёназ одйг Пересь воргорон улйз. Вал-а солэн кышноез, ой вал-а — нокин өз адзылы. Вал-а солэн семьяез, ой вал-а — нокин өз тодылы. Калыкын кыл-куара вөлдйськылйз: кин со доры кунояны пыроз — одно ик синпөртмо мае ке адзоз. Мае ке верьяны өтөз но, кыче ке валантэм кужым солэн жөк вылаз самой ческыт сиён-юонѣс пуктоз — ас понназ утялтйсь жөккышет выллем. Нокин тусьты-тэркыосты уг тырмыгтя — сиён-юонѣс ас понназы кылдо. Пересь сыче дырья вера:

— Эн кышкалэ, дуно куноосы! Озы со мынам кышное пöраське.

Со дырысен Пересьлэн трос куноосыз но эшѣсыз кылдйзы. Ваньзылэн синпөртмо мае ке адземзы потэ. Нош Пересь вера соослы:

— Кышное мынам дун-чылкыт, мукетѣс сое адзыны уг быгато. Секыт вакытэ мыным Торум лякыт кышно ыстйз. Со чебер, визьмо, ужась. Мон гинэ адзыны быгатйсько солэсь зарни киоссэ, мукетѣсыз — уг. Вöсяське но — одно ик берытскоз тйледлы.

Тросэз адымиос Пересьлы вожъяськыны кутскизы. Нош со ваньзэсты лякытэн пумита. Одйг пол тазы вал. Пересьлэсь кыдёкын ик өвөл, шур бызёнлэн улйязгес, эшлыко семья улйз. Татын кык пиоссы будйзы. Та пиос, лякыт кышно сярись верамѣссылы оскытэк, шонерзэ тодыны малпазы. Пыжѣсазы пуксизы но жоген Пересь доры вуизы. Пересь юа соослэсь:

— Мар муген вуиды мон доры?

— Тодэммы потэ, кызы улйськоды.

Пересь соосты аслаз юртаяз өтиз:

— Пыре, куноосы, чаен сектало.

Пиос жөк сёры пуксизы. Кузё вазиське:

— Кышное мынам, сюд егит пиосты! Сюрес вылын жадизы соос. Сутэр куарен парем пöсь чаен секта но небыт валес дася.

Вераса вуттйз-а, öз-а Пересь, жöк вылэ пöртэм сиён-юонъёс кылдйзы. Зэмос юон дыре кадь. Татын ик пужей сйль но, векчи юдэм чорыг но, муксун чорыглэсь пыжем пирог но, чыжатэм чорыг но, воштонтэм подавуха (пыжем чорыг) но... ваньзэ лыдъяса-чотаса уд быдты. Узыр сиён-юонэз адзёса но солэсь ческыт зынзэ шокыштыса, агай-вынъёслэн кöтсы тыриз, öжыт гинэ кылзэс öз ньылэ, тау шуыны гинэ но уг валало ни. Нош Пересь пальпотэ но шуэ:

— Эн кышкатске, веръялэ сиёнъёсме. Мынам кышное туж усто-чи, зэмос Зарни кышно.

Егит пиос буйгазы, сиизы-юизы. Малы уг оско вал — оскизы, мае öз сиылэ — веръязы. Озбы ке но тунсыкъяськон сямзы аслэсьтыз куасалтэ: Пересьлэн синпöртмо кышноез сярись юалляськемзы потэ.

— Туэ бусьтыр ю-нянё ар вал, — кыдёкысен кутскизы агай-вынъёс, — пöйшуран но узырлыкен берытскиз. Трос чорыг кутылйм, коньы, тылобурдо: кылсярысь, дукъяосты, сялаосты. Толалтэлы трос емыш дасямы. Но таёе сиён-юонэз, маин кышноед куноятйз, нокытысь öм адзёлэ!

Озбы ушъяськизы-ушъяськизы но валаса öз вуттэ, кызьы жыт вуиз. Татчы уйзэ изыны кылизы. Умме усыны öдъяло ни вал, пиос пöлысь одйгез шыпыртйз:

— Уд изиськы-а?

— Уг.

— Öм адзё асьмеос Пересьлэсь кышнозэ. Öз возматйськы со куноослы. Пересь но пал кыл но öз поттылы.

Агай-вынъёс таёе малпанэ вуизы: жöккышет вылэ чукна пöсь чай кисьтоно. Ярам, озбы ик медло. Котырак шыпыт луиз. Пересьлэн соргетэмез гинэ кылйське. Мур умме усем, лэся, — лумбыт вырыса жадиз, луоз.

Пиос султыку, шунды вылйе жутскемын ни вал. Нунал шуныт но югыт. Кузё кемалась пыд йылаз ни, мар ке юртъер котырын йондыре. Пиос дораз матэктйзы но, Пересь серектйз:

— Кема изиськоды. Анай-атайды ужлы өз дышетэ шат? Милям гужем нунал толэз сюдэ.

Агай-вынъёс синкашъёссэс кунэртйзы но номыр өз вазе.

— Нош мон тани нарта дасясько. Вужез уз чида ни, тол чоже куашкалоз. Кызбы мон нюлэскы ветлом? — зүриз Пересь. Нош агай-вынъёс вераськонэ нош ик өз пыриське — асьсэ малпанзэс бугыръяло.

— Ярам, ойдолэ жок сёры.

Пересь, юртаез пала вамышъякуз, нош ик кеськиз:

— Кышно, жок вылэ пуктылы милемлы!

Жок сиён-юонэн тырмиз. Ваньзы сиськизы. Сугме-луват (кызьпу чай) юныны дыр вуиз.

Пересь — нош ик:

— Кышно, вай милемлы чай.

Толон сямен ик, кытысь ке гур палась потйзы ческыт зыно сутэр чаен тырмытэм кружкаос. Соос шудыса выллем гылзйзы жок доры. Жок вылэ пуксизы гинэ, агай-вынъёс пöлысь одйгез, янгышаса кадь, пöсь чаен кружкаез бекыртйз. Көшкемыт жуштэм кылйськиз но, омырын соку ик чүштаськем нылкышно чиньыос чильдйзы. Кышкатскизы агай-вынъёс, пыжъёссы доры бызизы но жожен шулэн кожонэз сёры ышизы.

Пересь, жыт вуыса, кышнозэ өтиз. Жок сиён-юонэн тырмыку, со адзйз, кызбы сопала-тапала пиштылэ тöдбы кесэг: соин кышноез чүштаськем кизэ бинялтэм. Пересь, мыньпотыса, кылъёсыныз чепыльтыны выриз:

— Мар ай татын та пютка (тылобурдо) лоба, нош мыным уг возьматйськы?

Нылкышно куара гань-гань вазиз:

— Дыр өз вуы на. Чукналы ваньмыз бурмоз ай. Сиськы но изыны выд.

Шөдылытэк изиз Пересь, нуназелы гинэ сайказ.

— Мар ай мон таҗе кема изи? — аслыз ачиз йырыз курен ну-
кыртйз со.

Азбаре потйз, ымнырзэ вуэн гылтйз но кеськиз:

— Эй, кышно! Малы өд сайкаты монэ? Ку сюдыны малпаськод?
Берен юртаяз пыриз. Котырак чал-чал. Жок сылэ. Со вылын одйг
тэркы но өвөл. Чайник буш. Гур кезыт. Паймытскемын Пересь:

— Мар ай та? Кытын тон, кышное?

Нокин номыр уг вазы. Пересь котырак учертйз, юрта пуш-
кытйз сопала-тапала ортчиз, валес улэ учкиз. Нокинэ өз адзы, но-
кинэ өз синйылты. Йыркуро кеськиз:

— Мар луиз тонэн? Чимаса-пегаса шудйськод-а? Вазиськы шорам.
Юртаын — шыпыт. Азбаре потйз.

— Кыззы со озы, Быдзым Торум? — жожтйськыны кутскиз
со, инбам шоры вазиськыса. — Тон шуид вал: ноку но сиён-юонлы
ёрмытэк уло. Нош татын мар?

Шөдтэк шорысь тарам-вот (сильтөл, гудыри) гудыртйз но —
Торумлэн куараез кылйськиз:

— Пересь! Лякыт сямо но кибашлы луэмед понна мон тыныд
одйгзэ нылме оски.

— Озы ик вань, — вазиз Пересь. — Лякытлыкме ой ышты.
Котькуд вуэм адымиез куноятыны тыршисько.

— Озыез со озы. Но кышнодэ тон вожъяськись адымиослэсь
сайяны өд быгаты. Öд уты. Со лы зарни киоссэ возьматано луиз.
Нош куспамы вераськон вал. Ма, ачид но вöсь карись кылъёс ве-
раны кутскид тон нылкышнолы. Мар мыным кароно тонэн?

Кышкатскиз Пересь, синъёссэ уллане лэзиз, но мар карод на.

Вераз Торум:

— Табере тазы луоз: сиён-юон тон ачид шедьтод-поттод но
жок вылдэ тырмытъялод, ачид ик куноостэ пумиталод.

Верало: тйни озы, пе, лякыт нылкышно ышиз. Пересь кайгу-
аз-кайгуаз но сюрес вылэ потйз. Та дырозь со Зарни кышнозэ утча.

Пютка и сестра

Строили брат с сестрой запор на реке, чтобы рыбу поймать. Пришла весенняя пора, пошла гулять по реке рыба. И попала им большая рыба сарт (щука). Еле вытащили на берег. Стоят, смотрят друг на друга. Брат говорит сестре:

— Ступай в стойбище, притащи сосновую нарту.

Побежала сестра, притащила сосновую нарту. Стали они вытаскивать сарт: брат за голову схватил, сестра за хвост взяла. Еле-еле положили на нарту. Нарта сломалась. Тяжёлая была щука.

Снова говорит брат:

— Беги в стойбище, принеси нарту осиновою.

Притащила она нарту осиновою. И опять та сломалась.

— Беги за железной, — сказал он сестре.

— Где я её найду?

— В стойбище есть железная нарта.

Долго ли, мало ли ходила сестра, притащила железную нарту. Еле подняли рыбищу, притащили к своей юрте. Брат говорит сестре:

— Я устал, пойду спать. Ты свари мне уху из головы и печени.

Сестра согласилась. Пока варила уху из головы и печени, сама не заметила, как съела всю. А брат всё спит. Стала она ему варить уху из хвостов и плавников, да ещё набросала туда потрошков и разных костей.

Брат проснулся. Стала сестра наливать уху. Он попробовал, сморщился и спросил:

— Отчего такая уха невкусная? Чем она воняет?

— Не знаю, — хитро говорит сестра.

— Не хочу такую уху есть! — рассердился брат.

Выскочил из юрты, сестра за ним и видит: он от злости в пютку (птицу) превратился.

— Пютка, пютка! — закричала сестра.

А птичка помахала крыльями над её головой, села на отверстие в крыше и стала дразнить сестру:

— Сама ешь такую вонючую уху! Пи-пи-пи...

Заплакала сестра, стала звать брата обратно:

— Пютка, пютка, не улетай. Я сошью тебе вели-сох.

Ничего не ответила птичка, только всё кружила и кружила над головой сестры.

— Не улетай, сошью тебе вели-сов-чов, разошью узорами.

А птичка уже скрылась за лесом.

Летела, летела. Уже пошли буреломы, леса, поваленные вкривь и вкось. Издали увидела большую юрту, из верхнего широкого отверстия валил чёрный дым... Села птичка на палку, стала заглядывать в юрту, видит: висит на стене мальты (лукошко), а в нём вой (жир). Залетела через отверстие на крыше и стала клевать жир. Наелась, почистила крылышки, хотела вылететь обратно да не смогла: крылья вымазала в жиру, они и отяжелели. Много съела жира.

Слышит: на снегу лыжи скрипнули. Притаилась пютка, залезла под шкуру, выглядывает.

Ввалился в юрту великан, чихнул и говорит:

— Кто-то в юрту ко мне пришёл.

И стал он обшаривать руками все уголки.

— Чего это там такое тёплое, мягкое? — взял он в ладони птичку. — Дай разожгу огонь, посмотрю.

Разглядел перепуганную птичку, засмеялся:

— Жиру захотела! Сейчас мы его из тебя вытопим. Сейчас посажу тебя на берёзовый прутик и поджарю.

Надел он птичку на берёзовую палочку и стал поджаривать на медленном тихом огне.

— Поверни меня на спинку, — закричала птичка, ведь жир так и каплет в огонь. — Теперь поверни на другой бок.

Великан перевернул. Скоро с крылышек весь жир выгорел, стали подгорать пёрышки.

— Ой, ой, ой! Достань меня из огня! — закричала птичка. —
Отпусти! Я мою сестру за тебя замуж отдам!

— Как ты отдашь её? Ты летаешь, я по земле хожу, за тобой не успею.

— Я полечу, а на снегу крыльшками буду чертить.

— Ладно, лети! — согласился великан и выпустил птичку.

Полетела птичка, стала чёрточки на снегу делать. Залетела в юрту, где осталась сестра. Обрадовалась та, стала просить брата обратно в человека превратиться.

— Я тебе жениха нашёл. Идёт сюда великан.

— Зачем мне великан? У меня жених есть. Не хочу великана видеть!

— Теперь уже поздно. Он идёт по моим меткам.

— Не хочу видеть великана! — заплакала сестра.

— Давай что-нибудь придумаем. Давай сделаем маленьким-маленьким наш чум, чтобы он не мог залезть в него.

Так и сделали. Птичка говорит:

— Однако не справиться нам с великаном. Давай огонь разведём, в нём пещню накалим и нож наточим.

Только развели огонь в чуме, слышат: пыхтит, идёт к чуму великан.

— Вот здесь живёт сестра моя, — кружа над чумом, пропищала птичка.

— Чего такая дверь маленькая? Как я в неё зайду? Как на невесту погляжу?

— У нас жених в чум задом заходит. Раздевайся, снимай ол-вёнтох (штаны).

Разделся великан, полез в чум. В это время пютка с сестрой достали из огня раскалённую пещню, нож и стали тыкать ими голое место великана. Взвыл от боли великан и убежал навсегда в лес. А братец обратно из пютки в человека превратился. Стали они дружно жить с сестрой, слушать и защищать друг друга.

Тылобурдо но сүзэр

Вын но сүзэр, чорыг кутон понна, шур вылэ пытсэт пуктй-зы. Тулыс вакыт вуиз, чорыг шур кузя калтыртыны өдьяз. Сьёлтэтэ бадзым сарт (чипей) шедиз. Мырдэм но кызы сое ярдуре поттйзы. Сыло но ог-огзы шоры учко. Вын шуэ:

— Гуртэ берт но пужым нарта вай.

Сүзэр бызбыса кошкиз но пужым нартаен берытскиз. Вын чипейлэн йыр бордаз кырмиськиз, сүзэр — быж бордаз. Мырдэм но кызы сое нарта вылэ интыязы. Нарта тйяськиз. Секыт вал угось чипей. Вын нош ик вазиське:

— Гуртэ берт но пипу нарта вай.

Сүзэр пипу нарта вайиз. Таиз но тйяськиз.

— Корт нарта вай, — сүзэрэзлы вазиз вын.

— Кытысь шедьтом мон сое?

— Гуртын вань корт нарта.

Кема-а, өжыт-а ветлйз сүзэр, но корт нартаен вуиз. Мырдэм но кызы жутйзы та бадзым чорыгез но асьсэлэн юрта доразы вуттйзы. Вын вера сүзэрэзлы:

— Мон жади, изыны минйсько. Тон мыным чипей йырлэсь но муслэсь лым пöзты.

Сүзэр соглаш луиз. Йырлэсь но муслэсь лым пöзтоньяз, валаса но өз вутты, кызы ачиз ик ваньзэ сииз. Нош выныз ялан изе. Сүзэр табере быжлэсь но уян полыслэсь (плавник) лым пöзтыны кутскиз, отчы ик сюльёсты но пöртэм лыюсты пöнйз на.

Вын сайказ. Лымзэ жутйз сүзэр. Вын верьяз, ымнырзэ кисыртйз но юаз:

— Малы лымед сыче көш? Мар сыче зын потэ со бордысь?

— Уг тодйськы, — кескич вазе сүзэр.

— Уг поты мынам таچه лымез сиём! — вожзэ поттйз вын.

Юртабысь потйиз, нош сузэрэз со сьöры калъяськиз но адже: выныз пюткалы (тылобурдолы) пöрмытскиз.

— Бурдо, бурдо! — кеськиз сузэр.

Нош тылобурдо сузэрлэн йыр вадьсаз лопыряз но липет пась вылэ пуксиз, отысен исаське:

— Ачид си со көш зыно лымдэ! Пи-пи-пи...

Сузэр бöрдыны öдяз, вынзэ берен берытскыны куре.

— Бурдо, бурдо, эн лобзы палэнэ. Мон тыныд вели-сох (кисы) вуро.

Номыр öз вазы тылобурдо, сузэрлэн йыр вадьсаз гинэ бергаз но котырязьскиз.

— Эн лобзы палэнэ, мон тыныд вели-сов-чов (куртка) вуро но суредьёсын пужьято.

Нош тылобурдо нюлэс сьöры ышиз ни.

Лобе со, лобе. Со улын — сьлтöлэн кырыж-конгыль погырьям писпуо нюлэсьёс. Кыдөкысен ик адзиз бадзым юртаез, солэн вылие интыаськем паськыт пасьысьтыз сьод чын жугиське... Пучь вылэ пуксиз тылобурдо, юрта пушкы учкиз но адже: борддор борды мальты (куды) ошемын, со пушкын — вой (көй). Липетысь пасетй пыриз но көез кокчаны кутскиз.

Кöтсэ тыриз, бурдьяссэ суяз, берен лобзыса потыны турттэ вал но — öз быгаты: көен наштаськем бурдьясыз секытэсь луиллям. Тросгес көй сиыны шедьтэм.

Кылэ тылобурдо: куасьёс улын лымы зукыртйиз. Шымырскиз тылобурдо, ку улэ ватскиз но лушкем учкылэ.

Юртае бадзым мурт (великан) пыриз, кизьнйиз но шуэ:

— Кин ке мынам юртаям вуэм.

Бадзым мурт киосыныз котькуд сэрегьестйиз утчаськыны кутскиз.

— Мар та таёе шуныт но небыт? — тылобурдоез кырымаз кутйиз. — Тыл кенжыто ай — учко.

Кышкатскем тылобурдоез адзиз но серектйиз:

— Көй сиemed потйз! Али ик тынэсьтыд көйдэ поттом. Тани кызыпу ньөр борды керттыло но чыжато.

Тылобурдоез со кызыпу ньөр борды керттылйз но каллен жуась тыл вылын чыжатыны өдяз.

— Тыбыр вылам берыкты монэ, — кеськиз тылобурдо, нош көез тыл пушкы шапыкъя ни. — Табере көтурдэс вылам берыкты.

Бадзым мурт берыктйз. Жоген бурдъёс бордысь вань көй чыжаса потйз, тылыос чүштаськыны өдязы.

— Ой-ой-ой! Потты монэ тыл пушкысь! — кеськиз тылобурдо. — Лэзь монэ! Мон аслэсьтым сузэрме тыныд кышнолы сёто!

Бадзым мурт юа:

— Кызы тын сётод сое? Тон омыретй лобаськод, нош мон музьем вылтй вамышьясько — тон сёры уг вутты ук.

— Мон лобзо но лымы вылтй бурдъёсыным гож лэсьто.

— Ярам, лобзы! — соглаш луиз бадзым мурт но тылобурдоез эрике лэзиз.

Тылобурдо лобзе но лымы вылтй бурдъёсыныз гож лэсьтэ. Сузэрэзлэн юртаяз лобзыса пыриз. Сузэрэз туж шумпотйз но вынзэ берен адымылы берытскыны куре.

— Мон тыныд вуоно карт шедьтй. Татчы бадзым мурт лыктэ.

— Малы мыным бадзым мурт? Мынам яратоно егит пие вань ук. Бадзым муртэ адземе уг поты!

— Табере бер ни. Со мынам пусьем гожея лыктэ.

— Адземе уг поты бадзым муртэ! — бёрдыны өдяз сузэр.

— Али ик мар ке но малпалом. Ойдо чуммес пичи-пичи каром но — бадзым мурт пырыны уз быгаты ни.

Озы ик лэсьтйзы. Тылобурдо вера:

— Озы ке но бадзым муртэ асьмеос вормыны ум быгатэ. Ойдо тылском, корт бодыез зырдатом но пуртмес шером.

Чумзэс пичи каризы, тылскизы но кыло: чум доры, пых-пых шокаса, бадзым мурт матэктэ.

— Тани татын сузэре улэ, — чум вадьсын котыръяськонъяз, векчи куараен пиккетэ тылобурдо.

— Мар нош өсэз сыңе пичи? Кызьи оти пыро мон? Кызьи вуоно кышное шоры учко?

— Милям курасьёс отчы мышкынызы пыро. Кылиськы, ол-вён-тохтэ (штандэ) кушты.

Бадзым мурт кылиськиз, чум пушкы чуртнаське.

Со вакытэ тылобурдо но сузэр зырдатэм корт бодыез но пуртэз кутйызы но бадзым муртлэн гольык интыяз бышканы өдъязы.

Вось луэмезлы чидатэк, бадзым мурт черектиз но нюлэскы весяклы азьтэм-бертэм пегзиз.

Нош вын тылобурдовысь берен адямины пörмытскиз. Сузэрен вын тупаса, ог-огзылэсь кылзйськыса но ог-огзэс утыса улыны кутскизы.

*Когда люди научились защищать,
сказка моя умела далеко летать...*

*Кукe адямиос ог-огзэс утбыны кутскизы,
выжыкылэ мынам кыдёке лобаны быгатэ вал...*

Молчаливая жена

Жили в одной избушке два брата с семьями. Раз пошли они на охоту, а жёнам наказывали: «Живите дружно, не ругайтесь, детей успокаивайте. Недалеко от нас злой дух Атым-лунг живёт. Он не любит, когда его тревожат». Жёны пообещали.

Стоило только охотникам скрыться из виду, как дети старшего брата стали шалить, кувыркатся на шкурах, кричать, бороться друг с другом. Мать не успокаивала их, сама с ними заодно: дверь с шумом распахивала, на собак кричала.

Жена младшего брата вышла из избушки, чтобы от шума отдохнуть. Вдруг услышала шорох деревьев, и затем — чей-то стон на реке. Забежала в избушку.

— Тише. К нам кто-то идёт. Деревья к земле клонятся, а за ними чей-то стон, — сказала со страхом в голосе.

— Это тебе показалось, — ответила женщина старшего брата и стала дальше валяться с детьми на шкурах.

В это время распахнулась дверь и в избушку ввалился Вонт-ике. Косматый, бородатый, с большими глазами, длинными ушами. Задражали женщины, затряслись от страха шаловливые ребятишки. Постояло чудище в дверях, и на порог уселось. Сидит, пыхтит, из избушки никого не выпускает.

Тут жена младшего брата догадалась: не напрасно пришёл к ним Урманый старик. Тихонько вынула своего ребёнка из берестяной люльки, положила его в подол платья, а пустую люльку стала качать, будто ребёнка усыпляет. Потом подошла к порогу, на котором Урманый старик сидел, и сказала:

— Иким, пропусти меня. Я сырые стружки из люльки выброшу.

Посопел старик, отодвинулся, пропустил женщину. Вышла она из избушки и увидела на земле чужой глиняный котелок. Схватила его и побежала в лес. Иким (дед) сразу почувствовал, кто его котелок взял. Приоткрыл дверь и громко крикнул:

— Верни котелок!

Молодая женщина испугалась, бросила котелок в сторону и побежала, куда глаза глядели.

Рассерженный Вонт-ике съел всё семейство старшего брата, только головы оставил. Потом встал, отыскал одежду и пошёл надевать на колья головы, накрывать цветными платками. Через несколько дней охотники возвращались домой. Увидев издали развевающиеся на ветру платки, старший брат обрадовано сказал:

— Что-то твоей жены не видать, а мои все меня встречают.

Только хотел обнять жену, как её голова упала и покати­лась под ноги, и у детей так же. Заплакал, загоревал охотник. А младший ему и говорит:

— Если моих детей здесь нет, пойду искать, — и ушёл в лес.

Остался несчастный охотник жить один в избушке. Стал на охоту ходить, зверя ловить, купцов поджидать, шкурами торговать.

Раз шёл он домой и видит: из трубы дым идёт. «Кто у меня тюгал затопил?» — подумал. Открыл дверь и видит: сидит возле огня женщина. Стал он раздеваться. Женщина вскочила, взяла одежду, сушить повесила, горячей ухи налила, сугме-луват подала, сама села рядом, молчит.

— Кто ты? Откуда пришла? — спросил охотник, а она молчит. Наступила ночь. Лёг спать охотник. Немного погодя к нему прилегла молчаливая женщина. Приголубил её охотник. Начали они жить как муж с женой. Женщина ухаживала за ним, но не разговаривала. И однажды надумал он пошутить над ней — спрятал от неё люй (черпак), которым она горячий суп мешала. Вот вскипел котёл, поднялась в нём пена. Вскочила женщина, за чувал заглянула, под шкуры, все глиняные горшки переставила. А уха в котле всё кипит и кипит. Тогда полезла она рукой в кипящий котёл. Обожгла руку, закричала так громко, что охотник чуть не оглох, повалился на шкуры без памяти.

Сколько времени прошло — не помнит. А как очнулся, жены нет. Вышел из избушки и увидел на снегу следы. Оделся и пошёл по следам жену искать... Много дней шёл по лесам, через буреломы и скоро увидел большой кат (юрту). Заглянул в ледяное окно и видит: спит на широких нарах старый Вонт-ике со своей име (женой), а между ними — его жена молчаливая.

Вонт-ике зачихал, почуяв запах человека. Спросил сквозь сон:

— Ты пришёл, охотник? Заходи.

Зашёл охотник, стоит возле порога.

— Нетерпеливый ты, — сказал Вонт-ике, вставая с нар. — Раньше времени спрятал черпак, а то бы сына дождался.

— Не знал я, — покаялся охотник.

— Ну ладно, пожалею я тебя, иди домой. Будет у тебя сын, а то твоих-то я съел.

Нечего делать, побрёл охотник к своей избушке. Весёлым лаем встретила его собака. Открывает он дверь и видит: сидит на шкуре его молчаливая жена, а возле неё малый сынок в люльке качается.

Чалмыт кышно

Одйг юртаын асьсэлэн семьяосынызы кык агай-вынъёс улйзы. Одйг пол пййшураны мыныкузы, кышнооссылы соос вераса кельтйзы: «Тупаса улэ, эн керетэ, нылпиосты буйгатыса возе. Асьме дорысь кыдёкын ик овёл Атым-лунг (лек лулос) улэ. Со уг яраты, куке исало-сайкато сое». Кышнооссы кыл сётйзы.

Воргоронъёс син азысь ышизы гинэ, агайлэн нылпиосыз чашетыны одъязы: куос вылын погыллясько, кесясько, ог-огенызы нюрьясько. Анайзы уг буйгаты соосты, ачиз но чашетэ: осэз зуркак волья, пуныос шоры кесяське.

Вынлэн кышноез, чашетонлэсь шутэтскон понна, юртаысь потйз но писпу тачыртэмез но шур вылысь кинлэсь ке жжштэмзэ кылйз. Юртае бызьыса пыриз.

— Чалмытгес кариське. Кин ке лыктэ асьме доры. Писпуос музьем дорозь мыкырско, нош соос сьорын кин ке жжштэ, — вераз со кышкатскем куараен.

— Тыныд озы потэ гинэ, — вазиз агайлэн кышноез но пинальёсын чош куос вылын погылляськыны кутскиз.

Со вакытэ ос вёлак усътйськиз но, юртае Вонт-ике (Нюлэс нюня) чуртнаськиз. Лусьтро, тушо, синъёсыз бадзымесь, пельёсыз кузесь. Кышноос но аляк пинальёс кышкаменызы дыректйзы.

Дэймыт лулос өс дорын көня ке сыйыз но өс куспы пуксиз. Пуке, пых-пых шока но юртаысь потыны нокинэ уг лэзы.

Вынлэн кышноез валатскиз: юнме өз лыкты соос доры Нюлэс нюня. Аслэсьтыз нунызэ со туй көкыысь лушкемен гинэ поттйз, дэрэм сөзулаз шобыртйз но буш көкызэ лэйкатыны кутскиз — нуныме, пе, изьтыны вырисько. Собере өс куспы, Нюлэс нюня пукон интые, лыктйз но шуиз:

— Иким (песятай), лэзь монэ. Көкыысь ыльыс шелепъёсты кушто.

Соргетйз пересь, палэнскиз но нылкышноез лэзиз. Соиз юртаысь потйз но музъем вылын кыллсь мурт суй пуртыез адзиз. Сое кияз кутйз но нюлэскы бызиз. Пересь соку ик шөдйз, кин солэсь пуртызэ басьтйз. Осэз зүбис усътйз но бадзым куараен кесъкиз:

— Берыкты пуртыме!

Егит нылкышно кышкатскиз, пуртыез палэнэ сэрпалтйз но кытчы ке синтэм-пельтэм бызьыса кошкиз.

Йыркуро Вонт-ике агайлэсь быдэс семьязэ сииз, йыръёссэс гинэ кельтйз на. Собере султйз, дйськут шедьтйз но йылсо пучъёс йылэ йыръёсты тырыны но соосты буёло кышетъёсын шобыръяны потйз.

Көня ке нунал ортчыса, пййшурасьёс доразы берытскизы. Кыдэкысен ик адзыса, кызы тёл шорын кышетъёс лопыръясько, агай шумпотыса вераз вынызлы:

— Мар ке тынад кышноед уг адзиськы, нош мынамъёсыз ваньзы монэ пумитало.

Кышнозэ зыгыртыны одяз гинэ, соизлэн йырыз усиз но картэзлэн пыд аяз питыраз, нылпиосызлэн но — озы ик. Бөрдыны, кайгуаны кутскиз пййшурась. Нош выныз:

— Мынам семьяе татын өвёл бере, сое утчаны мыно, — шуиз но нюлэскы кошкиз.

Шудтэм пййшурась юртае огназ улыны кылиз. Пййшураны ветлылйз, вузчиосты возмалляз, куосын вузаськылйз.

Одйг пол дораз бертэ но адже: муръёысь чын потэ. «Кин мынэсьтым гурме эстэм?» — малпа со. Оссэ усьтэ но адже: тылскем азын нылкышно пуке. Воргорон кылыськыны кутскиз. Нылкышно султйз, воргоронлэсь дйськутсэ кутйз, куасьтыны ошиз, пось чорыг лым жутйз, сугме-луват (кызыпу чай) вуттйз, ачиз артэ пуксиз но чал-чал пуке.

— Кин тон? Кытысь вуид татчы? — юаз пййшурась, нош соиз ялан чал-чал пуке.

Уй вуиз. Пййшурась изыны выдйз. Көнә ке дыр ортчыса, со вöзы чалмыт нылкышно интыяскиз. Мусоя воргоронэз. Пййшурась но усьтйськиз но зыгыртйз сое.

Кышноен карт кадъ улыны кутскизы соос. Нылкышно котыраз берга, утятэ воргоронэз, нош ачиз чал-чал улэ. Воргорон серекъяны-шоккетыны малпаз — нылкышнолэсь пось шыд суран лййзэ (дурызэ) ватйз. Тани пуртыысь лым пöзыны кутскиз, шуку жутске. Нылкышно тэтчыса султйз но гур сёры учкиз, куос улэ, вань суй горшокъёсты интыенызы вошъяз. Нош пуртыысь лым ялан пöзе но пöзе. Соку нылкышно пöзись пуртые кизэ донгиз. Кизэ чүшказ но туж зол черектйз — пййшурась пельтэм кыле ни вал, йырсазьзэ ыштыса, куос вылэ пограз.

Көнә дыр ортчиз — уг тоды. Сайкиськиз но — кышноез öвөл. Юртаысь потыса, лымы вылысь пытыез адзиз. Дйсьяскиз но пыты кузя кышнозэ утчаны кошкиз... Трос нунальёс чөже нюлэскытй вамышъяз, кечат-вамаат усьылэм писпуосты ортчиз но жоген бадзым юрта доры потйз. Йöкурам укно пыртй учкиз но адже: паськыт нараос вылын Вонт-ике (Нюлэс нюня) аслаз кышноеныз изе, нош соослэн висказы — воргоронлэн чалмыт кышноез.

Вонт-ике, адями зынэз шöдыса, шуак кизьнйз. Ум йылтйз юаз:

— Тон-а вуид, пййшурась? Пыр.

Пййшурась пыриз, öс дорын сылэ.

— Чидасьтэм тон, — шуиз Нюлэс нюня, нарта вылысь султонъяз. — Дырызлэсь вазь ватйд дурыез, озьытэк пиед но луысал ни.

— Ӧй тоды мон, — жӧжен вазиз пӧйшурась.

— Ярам, иське, дорад берт. Луоз тынад пиед. Азьлооссэ тынэсьтыд мон сии уга.

Мар карод на, пӧйшурась аслаз юртаез пала вамышгъяз.

Шулдыр утэменыз пумитаз сое амп (пуны).

Ӧсэз усьтӱз воргорон но адӱе: ку вылын солэн чалмыт кышноез пуке, нош солэн вӧзаз, кӧкыын, пичи пи веттаське.

Берестяной нос

Пришла зима. Наступила пора лесовать. У охотников к этой поре всё готово: починены лыжи-нималь, печкан (ружьё) почищен, провиант припасён, сухари насушены. Каждый знает свои охотничьи тропы и на удачу надеется.

Дед давно на охоту не ходил, всё спина болела. А тут собрался и пошёл в лес. Не отпускала его старуха, да он не послушал её.

Шёл, шёл, устал. Дело к вечеру. Сел на поваленное бурей дерево, пригляделся — и увидел вдалеке избушку.

«Пойду в ней переночую», — подумал он.

В крохотном окошке свет тусклый заметил. Не разучился ещё дед на лыжах тихо, неслышно ходить. Подошёл к избушке, стучать не стал, а надумал в окно посмотреть. И видит: сидит на полу косматая Немква (лесной дух) и шкуры перебирает. Красного зверя шкуру на одну лавку бросает, чёрного зверя шкуру — на другую, белки — за спину кидает.

«Какое богатство!» — подумал дед. Сам глядит, а про всякую осторожность забыл. Наступил нечаянно на сухую ветку, она и хрустнула под лыжнёй.

Немква услышала, вскочила с полу, стала сбрасывать шкуры в одну кучу да жильными верёвками связывать.

Тут дед надумал перехитрить Немкву. Недолго думая, выбрал берёзу, содрал клочок коры и сделал из неё длинный нос. Подошёл к окну и стал стучать им. Поглядела Немква в окно да как закричит:

— Никогда не видела никого с таким носом!

Испугалась, выскочила из избушки и про мешок свой забыла.

Дед, недолго думая, зашёл в избушку, сложил все шкуры, взвалил на спину и домой пошёл к своей старухе.

Удивились все, когда узнали про добычу деда. Но никому и в голову не пришло, что это он обманул саму Лесную немкву.

Түй ныр

Тол вуиз. Нюләскы потан вакыт кутскиз. Пойшурастьёслэн та вакытлы ваньмыз дась: паськыт куасьёс тупатэмын, печкан (пычал) сузямын, куасьтэм нянь лачьямын. Котькудйз аслэстыз пойшуран сюресъёссэ тодэ, котькудйз удалтонлы оске.

Песятай кемалась ни пойшураны өз ветлы, ялан кускыз висиз. Нош тани дасяскиз но нюләскы вамыштйз. Песянайлэн лэземез уг поты вал сое, но со өз кылзйськы кышноезлэсь.

Мынйз-мынйз но жадиз. Сильтөлэн погыртэм писпу вылэ пуксиз но кыдёкысьгес юртаез адзйз. «Отын ик уйме орчыто», — малпаз со. Пичильтык гинэ укноысь жомалэс югытэз синйылтйз. Куасьёс вылын лушкемен, шыпытак ветлонэз песятай өз вунэты на. Юрта доры вуиз но — өз йыгаськы, нырысь ик укное учконо кариськиз. Адзё: выж вылын лусьтро Немква (нюләс лулос) пуке но куосты бырьё. Горд пойшулрэсь кузэ одйг зус вылэ куштэ, съод пойшулрэсь кузэ — мукет зус вылэ, нош коньылэсь кузэ тыбыр съораз сэрпалтэ.

«Кыче узырлык!» — малпаз песятай. Учконъяз, чакласькон сярысь воксё вунэтйз. Шодытэк кылиз, кызы куасьмем вай вылэ лэгиськиз но, соиз куас улын тачыртйз. Немква тае кылйз, куосты огазе комоказ но зок гозыен керттылыны одъяз.

Нош песятай пöяны малпаз Немквез. Кема малпаськытэк, кызыпуэз бырйиз, солэсь сул кесэгзэ ишкалтйз но аслыз кузь ныр лэстыйз. Укно доры лыктыса, нырыныз йыгаськиз. Немква укное учкиз но кеськиз ук:

— Таچه нырын нокинэ ноку ой адзылы на!

Туж кышказ, юртаысь тэтчыса потйз но аслаз мешокез сярысь но вунэтйз.

Песятай, кема малпаськытэк, юртае пыриз, вань куосты мешоке тыриз, мешоксэ пельпум вылаз жутйз но аслаз кышноез доры бертйз. Песятайлэн шедьтосэз сярысь тодыса, ваньмыз паймемын вал. Нокинлэн йыраз но өз лыкты, со ассэ Нюләс немквез пöяз шуыса.

Брат и сестра

Жили в мыг хот (земляном доме) брат с сестрой. Брат на охоту ходил, часто кон (соболя) приносил. А сестра домашнее хозяйство вела. Один раз ушёл брат и не вернулся. Часто выходила сестра из избушки, бегала по лесной опушке, по ближним лесам, но брата не могла встретить.

Вдруг дверь распахнулась, и на пороге появилась медведица. Не испугалась сестра, схватила стоящую возле порога палку и несколько раз ударила медведицу по спине, приговаривая:

— Уходи, я брата жду, а не тебя!

Как настало утро, пошла она по следам зверя и увидела: лежит её брат. Одежда порвана, лоскуточки на ветру трепещутся.

«Неужели та медведица растерзала его?» — подумала. Сама собрала косточки брата, привезла на нарте домой, положила на постель, где брат спал. Поплакала, закрыла юрту и пошла людей искать.

Идёт-идёт — и видит: навстречу ей мышинная упряжка бежит, на ней сидит косматая Лесная баба, с нарты мышата валяются. Баба подхватывает их палкой и швыряет по сторонам.

— Пойдём со мной, — сказала косматая баба. — Я тебя накормлю.

— Нет. Я в дорогу сушёной рыбы взяла. Пойду людей искать.

— Иди в ту сторону, куда я последнего мышонка бросила.

Долго шла девушка по лесу. Вывела её узенькая тропинка к стойбищу. Жили в нём добрые люди. Напоили, накормили девушку, у себя жить оставили. Она всё умела делать: малицы (одежду) шить, из осоки нитки прясть, обувь шить из кожи оленя.

Понравилась она людям, они нашли ей жениха богатого. Держал отец жениха большое оленьё стадо. Взяли они девушку в свою большую избу. Скоро к молодой в олов-май-ни (полог невесты) жених пришёл. В своё время родился у них сын. Ике был рад внуку: учил его ездить на оленьих упряжках, учил из лука стрелять.

Прошло время, ике спросил невестку, нет ли в местах, где стояла их избушка, оленьего мха.

— Мы рыбачили, на олений мох не глядели, — ответила девушка.

— Возьми ликер-вели, запряги быструю упряжку и съезди к своим берегам. Внук наш умеет управлять оленями, возьми его с собой.

Обрадовалась молодая женщина, что в родных краях побывать сможет. Снарядили нарты оленные, помчали олени по бескрайним просторам Ваха-реки. На одном из перекрёстков им опять Лесная баба на мышино́й упряжке попалась.

— А-а-а! Старая знакомая, богатая стала, на оленьих упряжках катаешься! — ещё издали закричала она.

— Гляди, у тебя опять мышата с нарты валяются.

— Пусть валятся, народятся ещё. А ты куда едешь?

— К своей старой избушке.

— Но тебе не в ту сторону. Гляди, куда полетит мышонок.

Приподняла на палке мышонка, швырнула над головой.

Перелетел он через голову Лесной бабы.

— Туда тебе надо гнать оленей.

Послушалась женщина, повернула упряжку, поехали. Вскоре Самец-олень остановился, остановились и другие олени. Видят: бегут навстречу ребяташки весёлые и кричат:

— Апа, апа. На оленях приехала женщина, на тебя похожая.

— Женщины, на меня похожей, давным-давно нет. Ушла она, куда глаза глядели.

Но когда вошла сестра в юрту, увидела брата живого и здорового, глазам своим не поверила. Возле чувала сидела женщина. Она вскочила и стала обнимать сестру, спрашивая:

— Разве ты не знаешь меня? Забыла, как палкой из избы выгоняла?

— Я медведицу палкой била, — сказала сестра.

— Это была я. А как ты ушла из избы, я вошла, вылечила твоего брата. Вот мы и живём, детей растим.

Праздник учинили. Вино, руками деланное, пили, на панан-юхе (домбре) играли, песни пели. Через несколько дней собрались гости уезжать, а брат и говорит:

— Я своему племяннику хочу лук и стрелы подарить.

Долго дядя делал племяннику лук: тетиву налаживал, клеєм клеил, у огня гнул. Подал племяннику.

Взял тот лук, прицелился в одну сторону: хоп! В другую сторону: хоп! И — всё в цель попадает.

— Воином хорошим будет, — говорит брат сестре.

Собрались скоро уезжать к отцу и дедушке. Брат достал с полки берестяную коробочку с семейными знаками и подал сестре на память семейные знаки Луны и Солнца:

— Быть может, придёт трудная минута, они помогут тебе.

— У меня своя защита есть — сын.

Скоро на землю Заливных лугов чужие племена с северной стороны пришли. Люди пошли защищать свои очаги, а сестра им говорит:

— Возьмите мои домашние знаки. Как будут приближаться чужие люди, достаньте знак Луны. Сразу на землю темнота нападёт. Они спутают все дороги. Если снова вас догонять станут, достаньте знак Солнца. Засияет оно так, что враги ослепнут, а если и это не поможет, зовите... И придёт к вам на помощь мой сын — Богатырь.

Вын но сүзэр

Мыг хотын (музъем юртаын) сүзэрен вын улайзы. Вын пөйшураны ветлэйз, чөмысь кон (низь) вуттылэйз. Нош сүзэр юрт котырын бергаз. Одйг пол вын кошкыз но — өз берытскы ни. Чөмысь сүзэр, юртаысь потыса, нюлэс кушъестй, матысь нюлэсьестй ветлэйз-утчаскыз, но вынзэ өз пумита.

Юрталэн өсэз шөдтэк шорысь усьтйськиз но, өс куспын мумы гондыр кылдйз. Өз кышкатскы сузэр: өс дорын сылйсь бодыез кутйз но мумы гондырлэн тыбыр кузяз көня ке пол шуккалтйз, огвакытэ ик вераз со: «Кошкы татысь, мон вынме возьмасько, тонэ — уг!»

Їукна вуиз гинэ, нымурт мумы гондырлэн пыты кузяз вамыштйз но адже: солэн выныз кылле. Дйськутэз кесямын, кесэггёс төл шорын лопыръясько.

«Неужто со мумы гондыр кесяз сое?» — малпаз сузэр. Вынызлэсь лыоссэ бичаз, нартаен дораз вайиз но вынызлэн изёно валесаз понйз. Бөрдйз, собере юртазэ пытсаз но адямиосты утчаны кошкыз. Мынэ-мынэ но — адже: солэн пумитаз шыржёсын кыткем нарта бызе, со вылын лусьтро Нюлэс кышно пуке, нош нарта вылысь шырпиос усьыло. Нюлэс кышно соосты бодыеныз кутылэ но сопала-тапала зйръя.

— Ойдо мон сьёры, — вазе сузэрлы лусьтро кышно. — Мон сюдо тонэ.

— Уг. Сюрес вылэ мон куасьтэм чорыг басьтй. Адямиосты утчаны мынйсько.

— Мын сопала, кудпала мон берпуметй шырпиез сэрпалтй.

Нюлэскытй нымурт кема вамышгяз. Сюбег гинэ сюрес сое гурт доры поттйз. Татын лякыт адямиос уло вылэм. Сюдйзы-сектазы нымуртэ но доразы улыны кельтйзы. Туж кибашлы вал со: был дйськут но вуре, шашылэсь сйньыс но черсэ, пужей кулэсь пыдкучтан но йөндыре. Калыклы туж кельшиз та нымурт, соин ик солы узыр карт луон но шедьтйзы.

Карт луонэзлэн атаез пужейёслэсь баджым уллё возе вал. Нымуртэз соос баджым юртаязы вайизы. Жоген нымурт доры, оловмай-ни (виль кенлэн ынэз) пушкы, картэз вуиз. Кулэ дыраз соослэн пизы вордйськиз. Песятай шумпотйз нунокезлы: пужей кыткетын ворттылыны, пукычысь ыбылыны дышетйз сое.

Дыр ортчиз, песятай юаз кенэзлэсь: азьло улэм интыюсад, кытын юртады сылэ вал, өвөл-а пужей жуй (ягель)?

— Ми чорыгамы, нош пужей жуй шоры ом учкылэ, — вераз кен.

— Нарта кут, шаплы пужейесты кыткы но аслад улэм ярдуръ-ёсад ветлы. Нуноке пужейёсын кивалтыны быгатэ ни, сое басьты сьорад.

Шумпотиз нылкышно, вордиськем пальёсаз бертылыны быгатоз шуыса.

Ликер-вели (пужейлы нарта) дасязы но, пужейёс Вах шур котырысь кыралъесті лобизы. Одйгаз сюрес вожын соослы нош ик шырёёсын кыткиськем Нюлэс кышно пумиськиз.

— А-а-а! Вуж тодмое мынам, узыр луэмед, пужей кыткетэн ворттылйськод! — кеськиз со.

— Учкы ай, тынад нартаысьтыд нош ик шырпиос усьыло.

— Мед усьылозы, выльысь вордиськозы на. Нош тон кытчы мынйськод?

— Аслам вуж юртае доры.

— Но тыныд мукет пала мыноно. Учкы, кытчы шырпи лобзоз. Шырпиез боды вылын жутиз но сэрпалтиз. Соиз Нюлэс кышнолэн йыр йылтиз лобзиз.

— Тйни отчы уляно тыныд пужейестэ.

Кыткетэз берыктйзы но кошкизы.

Айы пужей шуак дугдйз, мукет пужейёс но дугдйзы. Адзё: соос пумитэ пинальёс шулдырак бызё но кесясько:

— Атай, атай! Пужей кыткетэн нылкышно вуиз, со тыныд кельше.

— Мыным кельшись нылкышно кемалась овёл ни. Кошкиз со, кытчы синъёсыз учкизы.

Нылкышно аслаз синъёсызлы өз оскы, куке юртае пыриз но — улэп но таза вынзэ адзиз. Гур вёзын кышномурт пуке. Тэтчыса султиз но нылкышноез зыгыръяны кутскиз, нош ачиз вера:

— Уд тодйськы шат монэ? Вунэтид-а, кызы юртаысь бодыен уляса лэзид?

— Мон мумы гондырез тышкай бодыен, — вазе нылкышно.

— Мон вал со. Нош тон кошкид гинэ юртабсь, мон пыри но вындэ бурмытй. Тйни озьы ик улйськом, нылпиосмес будэтйськом.

Таос юон дыр ортчйтйзы. Ас кийн лэсьтэм аракы юизы, пана-юхен (домбраен) шудйзы, кырзанъёс кырзазы. Кёня ке нунал ортчыса, куноос кошкыны өдязы но, вын шуэ:

— Аслам племянникелы пукыч но ньольёс кузьмаме потэ.

Кема йондыриз со пукыч лэсьтыны: сиоссэ зольяз, лякылйз, тыл шорын куасалляз. Племянникезлы сётйз. Соиз пукычез басьтйз но одйг пала — хоп! мукет пала — хоп! Ваньзэ кытчы кулэ йоттйз.

— Усто ожмаськись луоз, — вера сузэрезлы выныз.

Жоген куноослы кошконо ни — выль семьяын возьмало. Воргорон жажы вылысь чыжы-выжы пусьёсын тырмытэм туй сарваез васькытйз но сузэрезлы Толэзь но Шунды пусьёсты мычиз:

— Секыт вакытьёсы соос одно ик юрттозы тыныд.

— Мынам оскымон юрттйсе вань — пие.

...Жоген Тудвуо возьёслэн музьемзы вылэ уй пальёсысь мурт выжыос вуизы. Адямиос асьсэ улон интыоссэс утыны потйзы. Соку чыжы-выжы пусьёсын берытскем нылкышно вазиськиз:

— Басьтэ мынэсьтым дорпал пусьёсме. Мурт адямиос матэктыны кутскизы ке, Толэзь пусэз поттэ. Соку ик музьем вылэ пеймыт уй лэзиськоз, тушмоньёслэсь сюресьёссэс пытсало. Нош ик тйледыз сутыны өдязы ке, Шунды пусэз поттэ. Шундылэн ворекъямез тушмоньёсты мальдытоз но синтэм кароз. Таиз бере но тушмоньёс мерскизы на ке, милемлы вазиське. Тйледлы юрттыны мынам батыр пие жутйськоз.

Время пришло, сказка моя, лети, лети...

Дыр вуиз, выжыкылэ мынам, лобзы тон, лобзы...

Стелый мальчик

Похоронил охотник своих родителей, встал на нималь, пошёл в урман. Долго шёл, пока на берег Большой реки не вышел. Видит: юрта стоит. Зашёл и увидел: сидит на шкурах девушка, из голени оленя нитки выдёргивает-делает. Поздоровался охотник, а она будто не слышит.

— Убери ноги, дай пройти, — сказал охотник. — Чего так плохо встречаешь гостя?

Девушка ничего не ответила, только взглядом повела. Скоро за избушкой послышались голоса. Вошли братья-рыбаки, а с ними старый отец. Пока они снасти разбирали, одежду снимали, девушка уху сварила. Старый рыбак и говорит:

— Вижу, гость у нас.

Один из братьев добавил:

— Может, это пришёл к нам май-ку?

Посидели возле огня, поговорили о рыбалке, об охоте, все спать легли. И гостю место нашлось. На другой день отец спросил:

— Хорошая у меня дочь?

— Хорошая, — живо ответил охотник. — Только я бедный, не могу тебе дать хорошего калыма за её красоту.

— А ты мне внука подаришь. Разве это не подарок для старого человека?!

Скоро свадьбу справили. Стали жить-поживать молодые. Пришло время, и сынок у них родился. Доволен старик, нарадоваться внуком не может, а тот весёлый растёт, улыбчивый.

Прошло какое-то время, старик и говорит охотнику:

— Может, в родную сторону съездить охота?

— Неплохо бы, да дорога дальняя.

— Возьми кутов-рыт, плывите. Только осторожно плывите, внизу по реке злые великаны живут. Не останавливайтесь у берегов. А если они остановят вас, поговорите об ирехе и дальше плывите, но пьяную воду не пейте.

Поплыли всем семейством в гости. Вёслами еле воды касались, молчали, чтоб голосов не было слышно. Но великаны не пропустили обласок, заставили охотника с семьёй на берег выйти.

— Попробуй наше кото-вере-инк.

— Не буду пробовать. Нам плыть дальше надо.

— Попробуй только один глоток.

Согласился охотник. Только проглотил руками деланное вино, в голове зашумело, берега покачнулись. Заохотали великаны, стали между собой барахтаться, с корнями дерева выдёргивать да в реку бросать. Заплакала женщина, заплакал сыночек, а отец лежит на берегу, будто умер. Взяли его великаны, перевязали верёвками из куйпам (пырея) и бросили в гнилое озеро, где менкам (змеи) водились.

Люльку с маленьким сыночком в кусты швырнули, мать за косы схватили, повели в гору.

Много дней лежал маленький мальчик под кустами. Плакать не плакал, а только ротик открывал. Дождевые капли в рот ему сами прыгали. Рос он быстро. Скоро научился расшнуровывать ремешки на люльке. Днём вылезал из неё, бегал по бережку, а как устанет или замёрзнет — опять в люльку лезет.

В это время у матери маленькая доченька родилась. Как-то раз послали её великаны речной воды принести. Со страхом шла она к берегу, думала, что сыночка её давно разорвали голодные звери. Сыночек издали заметил мать, побежал к ней навстречу.

Увидела его мать, обняла и заплакала:

— Что мне делать теперь? — сказала она. — Великаны убьют и тебя, и маленькую сестрёнку. Нет у них жалости.

— А ты, как придёшь, положи в люльку игольницу, на неё сверху положи пелёнку. Как только дитя заплачет, бери скорее её на руки и ругай великанов, говори, какие они бессердечные.

Тут с горы грозные голоса великанов послышались. Испугалась мать, спрятала сыночка в кусты, побежала в гору.

— С кем это ты разговаривала? — спрашивают великаны.

— Ни с кем, — ответила она.

— Мы видели, как у тебя возле рта складки шевелятся.

— Верно, с собакой, которая за мной бегала.

Пришла мать, сделала всё так, как сынок велел. Девочка громко заплакала.

— Бессердечные вы! Совсем нет сердца у вас. Разве не слышите, как она плачет? Может, она своё сердце ищет? — приговаривала мать.

— Может, — согласился старый великан. — Наши-то у железного тегора спрятаны, что на другом берегу реки живёт.

Сыночек, спрятавшись за углом избы, слышал всё, побежал к реке. Нашёл на берегу бревно, переплыл на другой берег, стал ис-

каль железного зайца. Много дней искал. Лист на деревьях начал желтеть. Вдруг видит, выпрыгнул из чащобы большой зайчище: уши длинные, глаза выпученные. Недолго раздумывал мальчик, изловчился — и схватил зайца за уши. Заверещал зверёк, стал лапами царапать мальчика. Не испугался тот, вскочил на спину зайцу.

— Чего тебе от меня надо? — запищал заяц.

— Отдай сердца великанов! — закричал мальчик, и стал бить пятками по бокам зверька. Из него и посыпались яйца. Собрал быстро их, сел на брёвнышко, переплыл на другую сторону, подбежал к избушке великанов. Тут один из великанов повалился на пол, другие затряслись.

— Кто-то наши сердца нашёл, — еле слышно сказал один.

— Я нашёл ваши сердца! — крикнул мальчик, забегая в избу. — У зайца в брюхе были они.

Держит в маленьких ладонях яйца и перебрасывает с одной руки на другую.

— Умрём мы, — дрожа в судорогах, застонали великаны. — Говори, чего тебе?

— Отца моего надо, мать мою надо, сестрёнку.

— Бери ловушку, она в кустах спрятана, и вытаскивай из озера своего отца. Он, быть может, ещё оживёт.

Не стал больше слушать мальчик великанов, размахнулся и бросил яйца с горы. Покатились они к подножию. Которые разбились — значит, тем великанам смерть пришла, которые треснули — те великаны еле-еле по полу стали ползать.

Прибежали к кустам сыночек с матерью да младшей сестрёнкой, стали искать рыбную ловушку. Забросили её в озеро, вытащили отца.

Долго обмывали его речной водой, кормили ягодами да кедровыми орехами.

Ожил отец, и отправились они все вместе дальше.

Жышкасытэм пияш

Пөйшурась анайзэ-атайзэ ватйз но, нималь (паськыт куась-ёс) вылэ султыса, пеймыт нюлэскы кошкиз. Кема мынйз — Бадзым шурлэн ярдураз вуытояз. Учке: юрта сылэ. Пыриз но адзе: куос вылын нымурт пуке, пужей пыдьюмылысь гонэз черсэ. Пөйшурась зечбурьяськиз, нош нымурт уг но кылы кадь.

— Палэнты уждэ, — шуиз пөйшурась. — Малы сыче кезыт пумитаськод кунодэ?

Нымурт номыр өз вазы, синъёсыныз гинэ учертйз.

Жоген юрта сьöрын куараос кылйськизы. Чорыгась агай-вынъёс но пересь атайзы пыризы. Чорыган тйрлыксэс лачьян но дйсь-кутсэс куян куспын нымурт чорыг лым пöзтьйз. Пересь чорыгась вазиз:

— Адзисько, куномы вань.

Агай-вынъёс пöлысь одйгез будэтйз на:

— Оло, асьме доры май-ку (карт луон) лыктйз?

Тылскем дурын пукизы, чорыган но пөйшуран сярись вераськизы, собере ваньзы изыны выдйзы. Кунолы но инты сюриз. Нош чуказеяз атайзы юа:

— Умой-а мынам нылы?

— Умой, — соку ик шулдырак вазиз пөйшурась. — Но мон куанер пөйшурась, соин ик солэн чеберез понна бусьтыр калым сётыны уг быгатйськы тыныд.

— Нош тон мыным нунок кузьмалод-а? Пересь адями понна узыр кузьым öвöл шат со?

Жоген сюан шудйзы. Егитъёс улыны-вылыны кутскизы. Дыр вуиз но, соослэн пизы вордйськиз. Шумпотйз пересь, нунокез шоры учкыса кöтыз уг тыры, нош соиз сыче етйз но пальпотйсь будэ.

Кöня ке дыр ортчиз но, пересь вазиськиз пөйшурасьлы:

— Оло, дор пальёсад бертылэмед потэ?

— Умой вылэм, но сюресэз кузь.

— Кутов-рыт (шоро-куспо пыж) басьты но, семьяеныд чөш мынод. Но чакласькыса мынэ: шурлэн улияз лек бадзым муртёс уло. Ярдурёсы эн дугдылэ. Нош соос дугдытйзы ке тйледыз, ирех (курбон сётон) сярись вераське но азьлане гылзе, но кудзйтись вуэз эн юэ.

Ву кузя быдэс семьяен куное вырзйзы. Польшьёсынызы вуэ өжыт гинэ йётскылйзы, чал-чал пукизы — куаразы медаз кылйськы. Но бадзым муртёс синйылтйзы пыжез, пййшурасез семьяеныз чөш ярдуре потыны косйзы.

— Верья милесьтым кото-вере-инкмес (ас кйын лэсьтэм аракы).

— Уг верья. Милемлы азьлане гылзоно на.

— Одйг гульчык гинэ утча.

Пййшурась соглаш кариськиз. Ас кйын лэсьтэм аракыез верьяз гинэ, йыраз чашетыны өдяз, ярдурёс лэйкалскизы. Бадзым муртёс горыны, куспазы погылльаськыны кутскизы, пйшпусты выжыосынызы чөш ишкало но шуре сэрпалляло. Нылкышно бёрдыны өдяз, пизы но бёрдэ, нош воргорон, кулэм мурт выллем, ярдурын кылле. Бадзым муртёс кутйзы но куй-памлэсь (ожомонтурынлэсь, пырейлэсь) пунэм гозыосын керттылйзы сое, зынмем тыэ куштйзы, нош отын менкамёс (кыйёс) уло вал. Пичи пиналэн кёкыез куакёс пушкы сэрпалтйзы, анаез пунэтёстйз кырмизы но гурезь пала кыскизы.

Трос нуналёс чөже кыллиз пичи пинал куакёс пушкын. Бёрдыны өз бёрды, ымзэ гинэ усьялляз. Зор шапыкёс солэн ымаз асьсэос тэтказы. Жог будйз со. Жоген кёкыезлэсь еоссэ пертчылыны дышиз. Нуназе кёкыысьтыз потылйз но ярдур кузя бызыйлйз, нош жадьыны яке кынмыны өдья ке — берен кёкыяз пыре.

Со вакытэ анайлэн нылыз вордйськиз.

Одйг пол бадзым муртёс сое шур ву вайыны ыстйзы. Кышкаса вамышгяз со ярдуре, малпа вал, солэсь пизэ сютэм пййшурёс

кемалась кезязы ни шуыса. Пиез кыдѣкысен ик синйылтїз анайзэ, солэн пумитаз бызиз. Анаез адзїиз сое, зыгыртїз но бѳрдыны кутскиз.

— Мар кароно мыным табере? — шуиз со. — Бадзым муртѳес тонэ но, сузэрдэ но виѳзы. Соослэн чик но жалянзы ѳвѳл.

— Тон вуид ке отчы, кѳкые вень тырон пон, со вылэ сузэрме интыя. Сузэре бѳрдыны ѳдяз ке, соку ик кияд кут но бадзым муртѳесты тышкаськы, кыѳе сюлэмтэмесь соос шуыса.

Шуак гурезь йылысь бадзым муртѳеслэн лек куараоссы кылїськызы. Анай кышкатскиз, пизэ куакѳес пушкы ватїз но гурезь пала бызиз.

— Кинэн озыы вераськид? — юало бадзым муртѳес.

— Нокинэн но, — вазе нылкышно.

— Ми адзїимы: ымдурѳесыд выризы.

— Пунуен вераськи, дыр, со мон сѳѳры ветлїз.

Анай вуиз но пиезлэн косэмезья лэсьтїз. Нылыз шара бѳрдыны ѳдяз.

— Сюлэмтэмесь тї! Уд кылїське шат, кыѳе бѳрдэ со? Оло, со аслэсьтыз сюлэмзэ утча? — вазиз анай.

— Озыы но, дыр, — соглаш луиз пересез бадзым мурт. — Нош милямѳесыз сюлэмѳесмы ярдурлэн мукет палаз улїсь корт тегор (лудкеч) дорын ватэмын.

Пияш, юрталэн сэрег сѳѳраз ватїськыса, вань вераськемез кылїз но шур дуре бызиз. Шур дурысь кор шедьтїз, мукет пал ярдуре потїз но корт лудкечез утчаны кутскиз. Трос нунал ѳѳже утчаз. Писпуосысь куарѳес ѳужектыны ѳдязы. Шуак адзѳе, кызыы ѳем будїсь писпуос пѳлысь бадзым лудкеч тэтчыса потїз: пельѳесыз кузесь, синѳесыз былккесэсь. Пияш кема ик ѳз малпаськы, шаплы тэтчиз но лудкечез пельѳестїз кырмиз. Пѳйшур черекьяны ѳдяз, пыд гижыосыныз ѳабышьяны выре. Пияш ѳз кышка, лудкечлэн тыбыр вылаз тэтчиз.

— Мар тыныд кулэ мынэсьтым? — пискетэ лудкеч.

— Сёт бадзым муртѣслэсь сюлэмѣссэс! — кеськиз пияш но пыдпыдэсьсыныз пöйшурлэн кöтурдэсьсэс аз чыжаны кутскиз. Лудкеч пушкысь пузѣс усьылыны öдязы. Пияш соосты шаплы гинэ бичаз, кор вылэ пуксиз, мукет пал ярдуре потйз но бадзым муртѣслэн юртазы доры вуиз. Шöдтэк шорысь одйгез бадзым мурт выж вылэ пограз, мукетѣсыз дырекъяны кутскизы.

— Кин ке асьмелэсь сюлэмѣсмес шедьтйз, — мырдэм кылйсь-кымон вазиз одйгез.

— Мон шедьтй тйлесьтыд сюлэмѣстэс, — юртае пыронъяз вазиз пияш. — Лудкечлэн кöт пушказ вал соос.

Пияш пичи кырымѣсэс возе пузѣсты но одйг кыисьтыз мукетаз сэрпалля.

— Кулом ми, — дыр куалекъяса, жшштыны öдязы бадзым муртѣс. — Вера, мар кулэ тыныд.

— Атайме кулэ мыным, анайме кулэ мыным, сузэрме кулэ мыным.

— Тйни куакѣс пöлын калтон ватэмын, сое кут но тыысь потты атайдэ. Оло, улзоз на со.

Пияш öз кылзы ни бадзым муртѣсты, шоналскиз но пузѣсты гурезь уллане сэрпалтйз. Гурезь выжые питыразы соос. Кудйз ке сöриськиз — озьыен, бадзым мурт доры кулон вуиз; кудйз ке еزاز — озьыен, бадзым мурт мырдэм но кызьы нюжтйськоз на. Нош пияш, солэн анаез но сузэрэз бызъыса вуизы куакѣс доры, калтон утчаны кутскизы. Сое тыэ сэрпалтйзы но атайзэс поттйзы. Кема миськизы сое шур вуэн, емьшѣсын но кедр мульыосын сюдйзы. Атайзы улзиз но, ваньзы чöш азьлане дыртйзы.

Заколдованная сосна

Вустье реки Комсэс много лет стояла вековая сосна. Такая высокая, мощная, статная, недоступная. Проезжали мимо этого места пожилые мужчины-охотники, целились, и — метко поражали их стрелы высокое дерево, — каждый хотел показать себя опытным.

Проезжали мимо молодые охотники, метко поражали их стрелы высокое дерево — каждый хотел доказать свою ловкость. Расхвастался однажды молодой парень:

— Я всем вам нос утру: лучше меня ни один метко стрелять не может! Клянусь, если хоть раз промахнусь, то самое высокое вековое дерево спилю, изрублю на дрова.

— Не клянись впустую! — предостерегли его друзья.

И давай они соревноваться. А хвастун так и бахвалится, так и бахвалится! Часа три стрелы метали, устали, решили — по последней. Все метнули стрелы, не каждый попал. Вот пришёл черёд парня-хвастуна, а у него вдруг рука онемела: шевельнуть не может.

Языком одно тараторит: «Вот я вас, да я...» Откуда ни возьмись молния сверкнула, пронеслась, как ураган, лодку чуть было не перевернула. И стрела хвастуна, едва пущенная, вскольз прошла, едва задела дерево.

Второй раз сверкнула молния: всё будто огнём вокруг взялось. От воды к берегу яркая полоса пробежала, а потом как загрохочет на всю Вселенную! Испугались молодцы, встревожились, зажмурились, друг к другу прижались.

Когда всё стихло вокруг, осмелели. Глянули и обомлели. У высокой сосны, куда стрелы метали, верхушку дерева будто кто топором обтесал, а сама стоит хоть бы что. Только взглянули на парня-хвастуна, а он слова вымолвить не может: и язык онемел, и рука не шевелится, еле живой...

Приехали в деревню, рассказали сородичам. Покачали головами: видно, сильно нагрешил. И вспомнили тут люди: забыли они и детей не научили, что предки то святое место им наказывали беречь.

С той поры кто едет мимо вековой сосны, в воду монеты бросает, молитву шепчет, к дереву полоски матерчатые привязывает.

А кто судьбу испытать хочет, сколько ему жизни отмерено, — тот стрелой метится в ствол высокой сосны, что стоит у обрыва на острове. Ветви её разрослись в разные стороны, словно части света.

И такое пошло в народе поверье: чья кет-ёгал (стрела) мимо пролетит, к тому скорая смерть придёт, а кто попадет в дерево, тот богатым проживёт до конца своих дней. Сбывается.

Заметили ещё: если птичка сядет на это дерево — падает замертво. Отчего — никто не знает. Поэтому птицы на это дерево не садятся. А в том месте, где широкая ветвь от дерева над водой висит, в речке рыбы видимо-невидимо. Берегли, не трогали и всем завещали беречь. Один чужак не поверил, взял да и срубил этот сук. А ветвь-то обратно не прирастить. С той поры рыба здесь и перестала водиться.

Много разных историй знают в народе про то место. Стали называть его священным Золотым островом. Молодые свадьбу как сыграют, обязательно остров тот посетят: ленточки повяжут, молитвы почитают, слова невысказанные произнесут, счастья друг другу пожелают. Сбывается.

Сколько лет прошло, чередой дней успокоила. Однажды, в один прекрасный день, люди испугались: пропало дерево. Куда делось — никто не знает. Может, водой унесло, а может... Люди помнят, сколько многочисленных стрел вонзалось в его сердце... Может, не выдержало? Только теперь и следов, что здесь дерево было, не найти.

А охотник тот выздоровел. Что с ним стало — никто не знает. Только, чтобы Бога не гневить, больше никогда он не хвастал, лишь умные слова говорил.

Веднам пужым

Вах шурлэн усёназ трос аръёс чоже дауръем пужым сылйз. Сыче жужыт, кужмо, юн-юн, вормонтэм. Та интытй арлыдо пойшурасьёс ортчылйзы, мертаськылйзы но, соослэн ньольёссы жужыт писпулэн пырак мугораз мертчиськылйзы, — котькудйз ассэ быгатйсен возьматыны тыршылйз. Егит пойшурасьёс ортчылйзы, писпулэн мугораз шонерак йоттылйзы но, котькудйз возьматыны тыршылйз, кыче усто пормытэ со. Одыг пол егит пияш укыр лоптылэм:

— Мон ваньдылэсь нырдэс чошыса кельто: мон кадь шонер ыбылйськыны нокин но уг быгаты! Кыл сётйсько: ньолэ писпулэн шораз өз йоты ке, та дауръем пужымеz погырто но пулы юдыса кушто.

Эх, кутскизы ук чошатскыны! Нош ушьяськисьлэн ымыз ик уг пытсаськылы — ялан «мон» но «мон». Куинь час пала ньольёс-сэс лэзьязы, жадизы, веразы: тырмоз, берпуметйез медло. Ваньзы быдэн ньол лэзизы, кин ке йоттйз, кин ке — өз. Тани ушьяськись пияшлэн черодэз вуиз, но солэн кыиз шодтэк шорысь пумиз: выретэмез уг лу ни. Кылыз ялан зуле: «Мон тйледыз, мон...» Кытысь ке овёл югак чилектыса кошкиз, сильтол выллем ортчиз — пыжез ожыт гинэ йырчукин өз берыкты. Нош ушьяськисьлэн мырдэм лэзыны быгатэм ньолэз писпу вөзтй гылйиз. Кыкетйзэ чилектйз: котырысь улоc тылэн гомйиз кадь. Ву вылысен жутскыса, ярдур доры яркыт жуась тулкым погыльскиз, нош собере быдэс дунне тыр гудыртыса кошкиз. Кышкатскизы егит пойшурасьёс, сюлэмшуген тырмизы, синъёссэс кынъыртйзы но ог-огзы борды жиптйськизы.

Куке котырын чалмытскиз — кышканзэс палэнтйзы. Учкызы но — абдразы. Жужыт пужымлэсь йылзэ кин ке тйрен лусъем кадь, нош ачиз писпу озьы ик, номыр луймтэ кадь, йоно сылэ. Ушьяськись

пияш шоры учкизы, нош соиз кыл но вераны уг быгаты: кылыз пумем, кыыз уг выры, мырдэм но кызыы улэп на...

Гуртэ вуыса, ваньзэ калыклы мадизы. Адямиос соку гинэ тодазы вайизы: воксё вунэтйллям но нылпиоссэс но дышетйллямтэ: вашкала чыжы-выжыюссы со вёсьлыко интыез утыыса возыны куризы вал ук.

Со дырысен дауръем пужым вёзтй ортчись адями вуэ коньдон куя, вёсяськон-куриськон шыпыртэ, писпу борды басма кесэгъёс керттылэ. Нош кин аслаз адзонэныз шудыны выре, кинлэн тодэмез потэ, кёня улыны сётэмын солы та дунне вылын, — соиз аслаз ньёлэныз пужымлэн мугораз мертаське. Нош пужым зок улвайёссэ пөртэм пальёсы лэзьям но шормучысь ярдурин сылэ...

Таёе но веран-оскон вань: кинлэн кет-ёгалэз (пукыч ньёлэз) палэнтй ортчоз, со доры жоген кулон вуоз, нош кин писпуэ йөттоз, со вань улонзэ узырлыко улоз. Адямиос синйылтйзы на: тылобурдо пуксе гинэ та писпу вылэ, соку ик кулыса усе. Нокин уг тоды — малы. Соин ик тылобурдоос та писпу вылэ өз пуксьылэ.

Нош со интыын, кытын пужымлэн улваез шур вадьсы лэзиськемын, трослэсь трос кул (чорыг) улэ. Утыыса возизы со ваез, өз исалэ, ваньзылы утыны курыса вазиськылйзы. Одыг йөнтэм мурт оскымтэ, кутэм но чогыса куштэм со ваез. Но писпу борды сое берен уд лякы ни ук. Со дырысен та интыын чорыглэн азыыз-берыз ик ышем.

Трос пөртэм мадёнъёс ветло калыкын пужымен герзаськем инты сярысь. Вёсьлыко интыен нимало сое. Егитъёс, сюан шудо ке, одно ик та шормуче вуыло: лентаос керттыло, вёсяськон-куриськонъёс лыдзё, татын гинэ верано кылъёс верало, ог-огзылы шудбур сйзё.

Трос арьёс ортчизы, нуналысь нуналэ выжылыса. Одыг пол, одйгаз шулдыр нуналэ, адямиос кышкатскизы: писпузы ышем.

Кытчы пырем — нокин уг тоды. Оло вуэн нуиз, оло... Адямиос тодо, кызбы лыдъянтэм трос ньӧльӧс мертчиськылӧзы пужым-лэн сюлэмаз... Оло, ӧз чида ни? Та интыын писпу сылӧз шуыса возьматӧсь пытьыюсты гинэ но табере уд шедьты ни.

Нош со егит пӧйшурась бурмиз. Мар луиз соин — нокин уг тоды, но со ноку но ӧз ушъяськылы ни — визьмо кылӧс гинэ вералляз.

Словарь хантыйских слов

Хант кыллюкамысь

- ай-вар-ике** — маленький месяц (июнь) — пичи толэзь (инвожо)
- алле** — большой — бадзым
- Алле-ики** — Большой старик — Бадзым пересь
- Алле-эмтор** — Большое озеро — Бадзым ты
- амп** — собака — пуны
- ани** — сестра, тётка старшая — сузэр, апай
- Анки-Пугос (Торум-Анки, Калтац)** — Самая Главная Женщина, Мать Бога, Божья Мать, Жизнеподательница — Тужгес Вылй Кышномурт, Инмар Анай, Улон Сётйсь
- апа** — отец — атай
- атым-ни** — злая женщина — лек кышномурт
- атым-ку** — злой человек — лек адями
- атым-лунг** — злой дух — лек лулос
- ват-пугол** — город юрт — юртаослэсь кар (город)
- ват-ях** — народ города — кар (город) калык
- Вах-вонт** — Ваховский урман — Вах тэль
- вели-кат** — оленья юрта — пужей юрта
- вели-сов-чов** — куртка из оленьих шкур — пужей кулэсь куртка
- вели-сох** — кисы из оленьей шкуры — пужей кулэсь пыдкуччан
- вой** — жир — кӧй
- волег-юх-ике** — лист падает с дерева — куар усе писпуысь
- вонт-имельта-ике** — в урман ходить (месяц ноябрь) — тэле ветлыны (шуркынмон толэзь)
- Вонт-ике** — Урманый старик, Лесной дух — Тэль пересь, Нюлэс лулос
- Вот-лунг** — Ветра дух — Тӧл лул
- Вэс** — Чудовище, Мамонт — Кӧшкемыт лулос, Муош
- ёгал** — лук — пукыӧ

ёган — река — шур
ёлта-ку — шаман — туно-пеллө
ёлта — ворожба — тунаськон-пелляськон
ёлта-лепа — халат шамана — туно-пеллөлэн халатэз
ёлта-мюль — шапка шамана — туно-пеллөлэн изьыез
ёлта-пас — рукавицы шамана — туно-пеллөлэн пöзьёсыз
ике — старший, мужчина, муж, свёкор — арлыдо воргорон, карт, атайзы
иким — дед — пeсятай
име — женщина — кышномурт
имиль — бабушка — пeсянай
ирех — жертвоприношения — курбон
их — медведь — гондыр
кантах-ку — остяк — остяк
кантах-амп — остяцкая собака — остяк пуны
кат — юрта — юрта
кет-ёгал — ручкой лук, стрела — пукыч, ньёл
кoем — бубен — бубен
Колпак-Ню — Огня дух — Тыл лул
Комсэс — устье реки Ваха — Вах шурлэн усёнэз
кон — соболь — низь
кос — звёзды — кизилиос
кото-вере-инк — руками деланное вино — кыын лэсьтэм аракы
котла-ёр — полуденная сторона, юг — лымшор
кочик — нож — пурт
куй-пам — чёсаная трава пырей — сынам ожомонтурын
кул — рыба, обилие — чорыг, трос лыдо
Куль — злой дух подземного мира, смерть — музъем улысь лек лу-лос, кулон
кутов-рыт — средний облас — (корлэсь гыркъем) шоро-куспо пыж
кэв — камень — из
лавэтти — ругать, браниться — тышкаськыны

ликер-вели — нарты оленные — пужей (кыткон) нарта
ловать — дождь — зор
лунги — духи — лулосъёс
люй — черпак, ложка — дуры, пуньы
май-ку — жених — карт луон
май-ни, мэй-нэ — кышно луон, выль кен
мальты — лукошко — куды
менк, менкам — змея — кый
мыг — земля — му, музъем
мыг хот — земляной дом — му (музъем) корка
наги-ни — белая женщина — тӧдьы нылкышно
Немква — лесной (худой) дух — нюлэс (лек) лулос
нималь — лыжи-подволоки — (мае ке) кыскыса нуон куасъёс
ного — мясо — сйль
Няй-ны, Най — Огонь-женщина, душа и мир очажного огня —
Тыл-нылкышно, тылскемлэн лулыз но дуннеез
ол-вёнтох — штаны — чалбар (штани)
олов-май-ни — полог невесты — выль кенлэн ынэз
палантив — колотушка бубна — бубен жугон боды
панан-юх — дерево поёт (домбра) — писпу кырза (домбра)
петявола — здравствуйте — зечбуресь
печкан — ружьё — пычал
Пурнэ — шестипалое существо, непутёвая женщина, ведьма — ку-
ать чиньыё лулос, пӧрмостэм кышномурт, ведйн
пютка — птица, птичка — тылобурдо
пянтэм-кул-пекар-инк — уха из толчёной сушёной рыбы — куась-
тэм чорыгез изыса пӧзътэм лым
руть-ике — русский мужик — зуч воргорон
руть-ни — русская женщина — зуч нылкышно
рыт — облас — (корлэсь гыркъем) пыж
Сарт-лунг — Щука-дух — Чипей-лулос

Сувс-ики, Сэвсики — лесной людоед, многоголовое существо — нюл-эскын улйсь адями сиись, трос йыро лулос
сугме-луват — чай берёзовый — кызьпу чай
сунг — солнце — шунды
сурым-касы — человек умер — адями кулйз
тарам-вот — ветер стучит, гром, буря — төл йыгаське, гудыри, сильтөл
тегор — заяц — лудкеч
тоглан-ваях — крылатая птица орёл — өрзи
Торум — Верховный Бог — Вылй Инмар
Торум-кат — Божья юрта, молельный дом, храм — Инмар юрта, вёсяськон юрт, храм
тугот-пуркой — угольки огня, горящая палка в чувале, очажный огонь — тылжу, гурын жуась боды, тылскем
туй — верховье реки — шурлэн выллапалыз
тэр-кул — жареная рыба — йыжатэм чорыг
тюгал — чувал, очаг — гур, тылскем
уги — дочь — ныл
ул — ягоды — емыш
урн-ике — ворона прилетает (месяц март) — южтолэзь
чого — снег — лымы
чуга-нял-кух — громовая стрела из камня — излэсь гудыри ньёл
югон — ночь — уй
яль-нельтан — войска поклялись — ожгарчиос кыл сётйзы
ях — народ — калык

В книге представлены носители информации:

- Сидор Семёнович Каткалев и Марина Александровна Неттина (Каткалева), Мария Александровна Камина, Агафья Ивановна Астахова (с. Ларьяк);
- Николай Михайлович Могульчин, Лидия Нестеровна Каткалева, Мария Кирилловна Кунина, Евдокия Николаевна Прасина, Антон Николаевич Каткалев, Татьяна Фёдоровна Каткалева, Екатерина Николаевна Кунина (с. Корлики);
- Семён Анисимович Арзамасов (с. Рынья);
- Владимир Талёвич Айваседа (с. Варьёган).

Сказки народа ханты записала и обработала **Альбина Кузьмина**.

Тексты на удмуртский язык перевёл **Сергей Матвеев**.

Особая признательность **М. К. Анисимковой**, члену Союза писателей России, заслуженному работнику культуры РФ, Почётному гражданину города Нижневартовска, ещё при жизни благословившей и обязавшей издать мною записанные и обработанные легенды, мифы, героические сказания народа ханты по Ваху и Обскому Северу.

СОДЕРЖАНИЕ ПУШТРОСЭЭ

Кузнецов Ю. В. Хант калык мадэсьёс 3
 Кузьмина А. С. Я сказку по свету разнесу... 3

**Давным-давно это было,
 когда сказка моя не умела летать...**

*Вашкала дырбёсы со вал,
 соку выжыкылэ мынам лобаны өз быгаты на...*

Когда люди бессмертными были 6
 Соку адымиос кулйсьтэмесь вал 8
 Сказание о странствии Ёлта-ку 10
 Ёлта-кулэн калтыртэмез сярысь мадэс 14

**И были времена,
 сражались богатыри-герои былинного эпоса,
 когда сказка моя училась летать...**

*Вал сыёе вакытбёс:
 калык мадэсьёсысь батырбёс геройлыко ожмаськызы,
 соку выжыкылэ мынам лобаны дышетскиз...*

Героическое сказание об остяцком богатыре, Анки-пугос
 и Золотом олене 17
 Остяк батыр, Анки-Пугос (Анайёслэн Анайзы) но Зарни
 пужей сярысь геройлыко мадэс 21
 Сказка о хантыйском Алле-герое, или Как род (Каткалевых)
 богатым стал. 23
 Хант калыкысь Алле герой сярысь выжыкыл, яке Кызбы
 ёыжы-выжы узыр луиз 27
 Котелок с наперсток 32
 Чиндыс быдэа пурты 35

**Когда люди стали обижать друг друга,
 сказка моя училась летать...**

*Кукэ адымиос ог-огзэс вёсь карыны кутскизы,
 выжыкылэ мынам лобаны дышетскиз...*

О чём медведь Торуму жаловался. 37
 Мар сярысь жождйськылйз Торумлы гондыр 39
 Женщина-огонь 41
 Нылкышно-тыл 42
 Сказ о двух огнях. 44
 Кык тылбёс сярысь мадэс 47

Когда звери стали обижать,
сказка моя ещё училась летать...

*Куке пöйшурвёс вöсь карыны кутскизы,
выжыкылэ мынам лобаны дышетскиз на...*

Наги-ни и девка Пурнэ	50
Наги-ни (Тöдьы нылкышно) но Пурнэ (ведйн) нылмурт	53
Жадная ворона	57
Сук сямо куака	59

Когда люди стали народом,
сказка моя стала летать...

*Куке адямиос калык луизы,
выжыкылэ мынам лобаны кутскиз...*

Загадочное имя	61
Синпöртмо ним	64
Золотая хозяйка	68
Зарни кышно	73
Пютка и сестра	77
Тылобурдо но сузэр	80

Когда люди научились защищать,
сказка моя умела далеко летать...

*Куке адямиос ог-огзэс утьыны кутскизы,
выжыкылэ мынам кыдёке лобаны быгатэ вал...*

Молчаливая жена	84
Чалмыт кышно	87
Берестяной нос	91
Туй ныр	92
Брат и сестра	93
Вын но сузэр	95

Время пришло, сказка моя, лети, лети...

Дыр вуиз, выжыкылэ мынам, лобзы тон, лобзы...

Смелый мальчик	99
Кышкастьэм пияш	103
Заколдованная сосна	107
Веднам пужым	110
Словарь хантыйских слов	113
Хант кыллюкамысь	113

В соответствии с Федеральным законом
от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ 12+

Литературно-художественное издание

Кузьмина Альбина Семёновна

Когда люди бессмертными были

Легенды, мифы, героические сказания
народа ханты по Ваху и Обскому Северу

Соку адялиос кулёсьтэлесь вал

Вах но Уйпал Обь палан улйсь хант калыклэн
дауркыльёсыз но геройлыко мадёсьёсыз

На русском и удмуртском языках

Автор-составитель *А. С. Кузьмина*
Ответственный за выпуск *С. В. Матвеев*
Художественный редактор *Ю. Н. Лобанов*
Художник *Н. Г. Курач*
Технический редактор и оператор
компьютерной вёрстки *И. Л. Егорова*

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 70x100¹/₁₆.

Тираж 500 экз. Заказ № З-052.

Уч. изд. л. 5,83. Печ. л. 7,5.

ГУП УР «Издательство «Удмуртия».
426011, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.
Тел./факс: (3412) 78-45-66, 78-79-07
<http://www.udgiz.ru> e-mail: udgiz@mail.ru

Отпечатано в ООО «Мастер студия».
432071, г. Ульяновск, ул. Урицкого, 94.

99,00

044962019

Государственная библиотека Югры

КУЗЬМИНА Альбина Семёновна

Родилась в с. Рынья Тобольского района Тюменской области. Автор книг «На священных берегах Ваха», «Мой Нижневартовск», «Главный лесничий», «Звонкоголосая Сибирь» и других.

В арсенале более 200 статей, научных работ. Кандидат культурологии. Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного

округа — Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера». Лауреат премии губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в области литературы.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижневартовске.

